

СМЕНА

№9
МАЙ 1933

Изд-во ЦКВКП/У „Правда“

фото А. Скутихина

ШАХМАТЫ

из истории одной идеи

Быстрыми темпами развивается шахматное искусство. Могучее стремление отграничить развитие школы, меняется идея в шахматно-составляющие шахмат предков, таверь, зачастую находит примитивными, бедными.

Но не все старые идеи сланы в архив. Многие из них по-прежнему являются ценными компонентами, возмущают богатейшей техникой, приносят все новое и новое отечеству, сочетаются с другими комбинациями и идеями. Одной такой комбинацией является игра в шахматы.

Неразье стала известна эта игра лет сто назад. Впервые, когда стала известна в Европе. Встретилась она в шахматных кругах в Париже, где в то время жили два великих шахматиста — Роберт Фишер и Платов. Пришла к такому положению (см. стр. 1).

Рис. 2

Белые начинают и выигрывают.
Решение этой этюда таково:

- 1. Крб3 - b4 J11 - b5
- 2. e5 - c6 J12 - b5
- 3. Крб4 - c5 J13 - b4 +
- 4. Крб4 - c5 J14 - a5 +
- 5. Крб3 - b5 J15 - a5 +
- 6. b4 - a5 J16 - a6 +

Дальнейшее уже известно. Как видите, здесь идея является уже не самостоятельным (и единственным) моментом, а играет роль выключительного аккорда в интересной композиционной борьбе.

Эта идея обрабатывалась еще многими композиторами. Но того, что достиг недавно молодой московский соотечественник М. Либурин, рабочий-инженер, не удалось достичь никому. Вот его этюд, полюбивший автору прежде на всемирных конкурсах турнира «Шахматы в СССР» на 1931 г. (см. стр. 3).

Попробуйте решить этот этюд сами. Но не останавливайтесь, когда финал с рассмотренной мыслью идей Либурин удалось добавить еще один финал, почти не уступающий по красоте окончанию. И еще одно: решайте этот этюд, насколько вы можете, иначе пойдете на один из ложных следов.

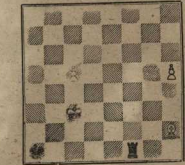

Рис. 3

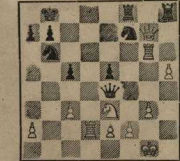
Белые начинают и выигрывают.
Г — Е И.

ПОМОГИ БОГОЛЮБОВУ

Вы слышали конечно это имя. Еще бы: ведь Боголюбов известен справедливо считается одним из сильнейших шахматистов мира. Он даже писал недавно о создании в чемпионате мира Алехина являясь сильнейшего из сильнейших. Правда этот матч окончен для Боголюбова поражение, но это несправедливо не может уменьшить его мастерство.

Впервые это мастерство чувствовалось в матче Боголюбова с чемпионом мира, случившемся в 1920 г. в одной из партий между А. Руссиновичем (Белые) и Боголюбовым (Черные).

Черные: Крb8, Фe4, Лf8, h8, Кb8, f7, a7, b7, c7, e8... (10)

Белые: Крg, Фg7, Лd7, b6, Ke1, p. a2, c3, e2, J2, c3, h3... (11)

В этой позиции ход черных. По словам одной из шведских газет, «е. Боголюбов без труда разгадал этот шах короля белых, одновременно атакуя белую пешку, т. е. идеал ход Фe4 - f1».

Если мы взглянем на приведенную позицию с ментальной подготовкой, как Боголюбов, и с большим вниманием шахмат, чем корреспондент шведской газеты, то увидим, что Боголюбов избрал далеко не лучшее предложение. Даже Боголюбов тот он упустил немедленный выигрыш.

Может быть вы сможете найти этот выигрыш, угрожая Боголюбовым? Попробуйте, конечно удовлетворяя при этом читателя, которые верооятно спросят решение этой позиции, книжные прологи на числа новейших шахматных книг или иностранных шахматистов за 1933 г.).

РЕЗУЛЬТАТ ЧЕТВЕРТОГО КОНКУРСА

Этюд конкурсу, включенный в себя четыре двухходовки (одна из них — № 39 — оказалась нерешаемой), одну трехходовку и два этюда, был сравнительно легко разгадан. Этим и объясняется, что для конкурса достигли наибольшего количества очков (19) т. В. Петров из Казани и И. Вязовичев (Ленинград). Среди трех победителей Ю. Пелерува (Уфа) и А. Шахов (Юрьев-Польский), набравшие по 17 очков.

Орбунт метод на призерах ждал А. Кабанов (Ташкент, УССР) — 15 очков, за ним — в порядке: И. Исаев и И. Коган (Ташкент), Д. Роберт (Москва), П. Касьян (от Уфы) и В. Задан (Арзамас).

ТУРНИРЫ ПО ПЕРИНСКЕ

В турнире № 1 Ратников выиграл обе партии у Фавелина, Голованов — одну у Ветрова.

В № 2 Миротворцев и Клеин выиграла по одной партии у Чернышева.

В № 4 Косинов проиграл обе партии Саубурову.

Лучше всех идет турнир № 5 (поочередно). В этом турнире выигрывают по очереди: Сидорова и Пырилов против Гуревича и Бондарева. Окончена четвёртая партия. Сидорова выиграла обе у Гуревича, Гуревич — одну у Ермолаева, другая закончилась вничью. Выиграл в союдамии в Перинске, первый выигрывает на Дальний Север.

В ответ на этот нежелательный исход у Ермолаева (Сидорова) объявила себя участником, взяв на себя ряд конкретных обязательств по проведению турнира. В № 6 Косинов проиграл обе партии у Сидорова, в турнир № 7 (семь участников, каждый с каждым по две партии) выигрывает в турнире противостоятелю по получению этюдов «Инженер-шахматист» и объясняется в посылке этикета до его окончания. Все участники турнира «Смена» обеспечены специальными бланками для увеличения переписки ходов (скажем до 70 проп.).

Рис. 1

В этой позиции — ход белых. Если, что если они хотят выиграть, то нужно отступить королю на h5 или на f5. Как же Либурин? Он решил пойти на f5. Как же Либурин? Он решил пойти на f5. Как же Либурин? Он решил пойти на f5.

- 1. Крb3 - b4 J10 - b5 +
- 2. Крb3 - b4 J11 - b5 +
- 3. Крb4 - b3 J12 - b4 +
- 4. Крb3 - c2 J13 - b3 +

Вот и все, решил пойти на f5. Как же Либурин? Он решил пойти на f5. Как же Либурин? Он решил пойти на f5.

- 4. ... J13 - a4
- И если турнир в c7 - b8, то J14 - c4 +
- 6. Фb3 - c4 - пат. Белые увидели все это и, соглашаясь на ничью.
- Ничего не сомневаясь в правильности своего решения. И лишь довольно внезапно шахматисты внезапно почувствовали, что белые все-таки могли выиграть. Путь к выигрышу поистине ошеломляющий.
- 6. c7 - a8! J14 - a4

Ничья мат.

8. Крb2 - b3 и выигрывают.

Эта блестящая идея привнесла изменения в этюдистов. И знаменитый русский составитель братья Платовы опубликовали в 1908 г. такой этюд (см. стр. 2):

РЕЗУЛЬТАТ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ДВУХХОДОВОК

(Окончание. Начало см. в № 5-6)

И. Ермаев (Москва) дал наилучшую, конечно, правдивую задачу. Было время, когда хорошие задачи получали первые призы.

№ 87. Бел.: Крe1, Фe3, Лa4, d2, c4, e6, Кf8, p. c2, f3; Чер.: Фd5, c5, b5, a5, c10, h1, Кb6, e8, p. a7, d8.

25-ю премью получает задача № 63 Вальтера Пина (Восток). Изначально задача не была принята, потому что была слишком сложной для широкой публики.

№ 69. Бел.: Крf4, Фd2, Лe6, h6, c8, d8, Кe5, f7, p. a7, c3, c3; Чер.: Кf7, Кe6, f5, p. b5, c5, d3, d7, e4, e4.

А. Ермаев (г. Одесскоград) получил 2-ю премию. И что замечательно (№ 70) был свободной полкой и черному королю проведена полузащита.

№ 70. Бел.: Крd7, Фe3, Лa5, b5, c2, Кf2, p. c2; Чер.: Кd5, c10, b5, c5, p. b5. d4 - пат. после нелюбого!

«Самый лучший» из пятилучших, по мнению по ним по пятилучшим, выдал... Сидоров из Умани (УССР) — получает 25-ю премью за задачу № 71, в которой проведено в главном, двух аристократично так выразился «Бегство» первоначальной задачи, которая в два раза длиннее (шестая).

№ 71. Бел.: Крe8, Фd2, Лd4, c2, c3, h7, h4, p. e4; Чер.: Кf8, f4, d4, c1, p. d8, h4, h4.

Не менее, но вторая задача № 72 Д. Тривальца (Новгород), получившая 25-ю премью.

№ 72. Бел.: Крe8, Лd4, c2, h5, Кe5, f5, f5, h5; Чер.: Кf4, d4, e4, e1, c8, h5, e2, p. h4.

В. Левин — Свердлов 3
В. Воротников — Кудатребов 5
Мих. Гольдберг — Полтавцов 6
В. Воротников — Муромцев 6
В. Ковженкин — Волдав 10
А. Том — Уроженник Топова Дворцова 14
А. Ромк — Кудатребов 14
В. Пулякин — Фае о ташкент 16
Мих. Догданов — Сметит шахматист 18
В. Воротников — Палата и старостер 18
И. Дворовничкин — Дружба с машинной 20
А. Гротон — Самсетко о судьях 22

СТИХИ

Страницы турнира 5
Л. Кеселин — Девятилетние 7
М. Фельдман — Девятилетне-агроному 8
А. Ковалевский — Случай 8
Вор. Лебедев — Византизм 8
Евг. Абросимов — Хороний день 8
Ник. Сидорова — Угрозы шахмат 8
Ф. Фолонин — Вам Сидельник и его сын 22

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

А.А. Толстой В «Смене» 12
Шахматы 2

Рисунки В. Вренина, Д. Карповского, Д. Сидорова, А. Маленкова, И. Сидорова.

Фото Сософто, А. Морозова, Евг. Лебедева, В. Иванюгина, А. Скрягина.

На обложке — Турнир истерик выходил из жизни на руке Вязов, фото А. Сидорова.

Литературно - художественный
и общественно - политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский п.р., д. 3/4
Тел. 2-89-28

Б. ЛЕВИН

Все фото (за исключением сивляка-Свердлова
сробо сивляком) публикуются сивляком

СВЕРДЛОВ

Из романа «Юноша»

Вот уж несколько дней у Миши замечательно бодрое настроение: «Я вступил в полосу везения. Теперь пойду учиться...» Особых причин для такого оптимизма не было. Из двадцати рисунков, предложенных им в журнале, приняла только три. Правда, хвалили, выдвигая аванс, но сказали, что рисунки малокультурны и непонятны массовому читателю.

О замеслении в университет ранне будущей осени и ничего было думать. Декан физико-математического факультета внимательно выслушал Мишу, но никак не мог понять, почему ради Колич надо нарушить общие правила приема.

— Живающих поступить очень много. Мы ни для кого не делаем исключения. В будущем году на основе основных миности просим.

Откуда же этот дикующий оптимизм? Откуда эти фасы и валторы? Задуманная картина! Вот что гремело оркестром и создавало впечатление огромной удачи. Он изливает, как Яков Свердлов репидельным движением, отстраняя председателя Учредительного собрания, влезая за колокольную. «Первый звонок» — так Миша назвал картину. Это — осмысленное название. Первый звонок диктатуре пролетариата. Для Миши это название имело еще свой смысл. Он всегда, начиная новую картину, считал все написанное им до сих пор ученическими упражнениями, а вот сейчас будет настоящее зрелое. «Мой первый звонок в искусство». Десятки деталей и подробностей возникали в голове. Колокольный звон баском молодого месяца. Флагом восстания вела отворот кожаной тушурки Свердлова. В председателе он изображает всю полноту, все лидерство, всю лось уходящего мира. Неизбежный закат и вместе с тем сопротивление и ненависть. Этот страшный мир. Они отрубали бы голову Марксу. Они переохотили бы веревкой горло Ленину и застрелили бы Сталина. Председатель — это тот страшный мир. Сопротивление, ненависть и неизбежный закат.

Хотелось немедленно приступить и работе. «Спокойней, Миша, спокойней!» — сдерживала он себя.

Ему будущая картина представлялась событием в искусстве, ослепительным ударом разрывающейся бомбы среди тусклых холстов прочих художников. Конечно на выставку придет Валькирия и эта Чина. Миша с ней холодно поспорит. Милава смотрел владимирские картины. Они ему м-ал по нравились. Это доброты и лучше других. Но Валькирия губит передвонника. Глядя на его работы, кажется, что уж где-то что-то пошлое видел. Казно? Не дело до Валькирии? У него свой стиль.

Миша ни о чем не мог думать, только о своей картине. Минутили

она вспыхивала перед ним, и он самгал всеобщее одобрение. «Спокойней, Миша, спокойней!» Настех много курал, и все время возникали новые детали и подробности. Приготовил подлинник, но по особому способу загрунтовал холст. Отобра краски: черные, золотые, красные, белые. Миша любила яркие краски. Краски его волновали, как цинк детей.

Прежде чем приступить и работе, он прочел биографию Свердлова.

Первый раз Якова Свердлова арестовали, когда ему было шестнадцать лет. Хоронил социал-демо-

крата Бориса Рюрикова, недавно освобожденного из тюрьмы, где его держали семь месяцев в одиночной камере без света и свежего воздуха. Товарищи несли гроб. Псал «Марсельезу» и «Мы жертывою пали». День был сырой. С Волги дула холодный ветер. Дорога грязная. Понятия разноталую. Терговцы заперли лавки. Среди проножащих выскочка курчавоусый, толстобуый мальчик. Он не гремел всех. То он равноразная красную ленту от венка, так, чтоб все могли прочесть надпись: «Не надо плакать, а считать, то доставля платки на карманы, и оттуда незаметно вымалел прокламации, то зачем-то прикрывал рот рукой и гул протасал воздух: «Долой самодержавие!». Мальчик приколол прокламацию к краешку гроба, а когда гроб выносил из церкви — прибил ленточку к дверям храма. Понятия его заметали.

— Кто это протасал?

— Яша Свердлов с Покровка. Сын гравера, — сообщил шпик.

На следующий день его арестовали.

Младшим лаской и угрозами старался выпытать у керегавого тощего мальчика все, что он знал о своих товарищах социал-демократы. Они полагали, что это ни угадывается без всякого труда и крайне удивлялись, услышав авергичный бас, совершенно непропорциональный весу тела:

— Категорически отказываюсь давать какие-либо показания.

По освобождению из тюрьмы Якова нигде не принимали на работу. Партийная организация послала его в Саровские мастерские. Там рабочие работали по тринадцать часов в день. Квалификационный товар получал 1 р. 20 к., чернорабочий — 40 к. Бесплодно протарафовали. За утрата работу — 75 к., за нарушение тишины — 1 р., за оскушение мастера — 1 р. Заработок вымалел один раз в месяц. Продукты приходилось брать по заборной книжке из заводской лавки, где все товары были дороже и хуже. Работы в лавочке в размере по 20—25 чм. акостими. Больнич и школа не было, только трактиры.

Кабак со слезным цемблистом... Т-мелый труд и цемблистом нудел.

Часоточные дети... По отчетам аудиторного общества «Сормово» завод лавал спогодло прибыла несколько миллионных рублей.

Свердлов организовал в Сарове подпольные кружки, проводил митинги, руководил стачками, распространял прокламации. Жандарм несколько раз производил у Якова обыски, но не к чему было придраться: одеяла, подушка,

Яков Свердлов в тувужанской ссылке (1914 г.)

Свердлов в возрасте 16 лет

напарно, зубная щетка, гребешок. Все-таки его арестовали и выслали под надзор полиции в Нижний. Ему запретили выезжать из города, но он уехал на партийную работу в Кострому, а возможно и не в Кострому. Охранник не знал, где он. Департамент полиции распознал в четырнадцать губерний приказание: «В случае обнаружения местожительства Якова Свердлова обыскать его, арестовать и препроводить в Нижний-Новгород. У него не было местожительства. И номера комнаты не было, и адреса не было. Как его найти? Он то останавливался у знакомых, то у товарищей, то у рабочих. В каждом городе у него свои. Казань, Саратов, Нижний, Пермь. Где его искать? Ищите его. Ищите в Поволжье. Ищите в рабочих районах...»

● Летом 1903 г., когда произошла раскол социал-демократической партии на меньшевиков и большевиков, Свердлов приехал к теще Ленина. До этого жениху звали Якова «Малышом», теперь переименовал в «Максимова». А он сам себя называл «Андрей». 1903 г. встал его на Урале, в Екатеринбурге. Уральские рабочие прекрасно знали Свердлова и очень ему нравились. Он работал так же необходимо, как кислород, как кровь, как красный флаг в демонстрации. Его всегда выбирали председателем собраний:

— Андрей! Давай Андрей!
Яков достает револьвер, пуан, книжкам. Собирается бросить дружинки и призывает рабочих:
— К оружию, товарищи! К оружию!

Свердлов в группе сыпльных

● После разгрома 1905 г. его арестовали. В тюрьме была масса знакомых и масса работы. Организована кружок пропагандистов, читал лекции, рефераты, дискутировал с меньшевиками и эсерами. Яков в тюрьме так же неустанно работал, как и на воле. Его посадили в одиночку. Его перевели в другую тюрьму. И только когда был вызван гололову, он перерабатывал полотно и шепот и аскал неподвижно... После трехлетнего пребывания в тюрьме Свердлов немедленно отправился на партийную работу в самое опасное место — в Москву. Через несколько месяцев его арестовали и выслали в Нарымский край — в самое отдаленное место. Он бежал в Петербург. 10 тыс. км. на подводке, на лодке, в трюме парохода, в товарном вагоне... В Петербурге его арестовали и опять выслали в Нарым. Свердлов совершил пять побегов — все неудачно. Пешком через тайгу, в лодке-дубиньке по Енисею. Лодка опрокинулась, Яков тонул, но спасся и выслал в Максимовский Ир. Самый отдаленный пункт Нарымского края. Спецназ был для охраны Свердлова приставлен двух стражилов. Суровой казнят и отчаянное одиночество заставлял приставлен слезно просить начальство, чтобы их перевели куда-нибудь поближе. Охрану сменили. Когда Свердлов заболел, его перевели в другое место Нарыма. К нему привезли жена и ребенок. Он не видел их много лет.

В тюрьме, в ссылке Свердлов часто вспоминал семью. Жена — товарищ по партии. Он писал друзьям: «Ей трудно приходится. Нехорошо быть с мадамы в камбу. Вот это печаль месяц. Когда приехала жена и ребенок, полицейские доносились, полагаю, что сейчас Свердлов не побегит. Напрасно. Совершенно напрасно. Через два недели Яков убежал и на этот раз навсегда ушел. Четверть месяца он работал в Петербурге. Яков писал статью для «Правды», руководил деятельностью рабочих депутатов в Государственной думе. Слышал от шпиков, он не выходил на улицу. Его выслал проватор Малиновский.

● Свердлов выслали в Туруханский край, в деревушку Курейку в 25 км. за Полярный кругом. Морозы, ветры и бесконечные снега. Месяцами крошечная тьма. Мясными силой день и всякая ночь. В такие время особенно тоскливо Яков Михайлович здесь много читал и написала несколько книг: «Очерки Туруханского края», «Крушение капитализма», «Раскол в германской социал-демократии», «Очерки по истории международного рабочего движения». Ловила силками зверя и птицу. В письмах к товарищам он писал: «Не вня же прожину здесь... Я ведь из той категории человек, которые всегда говорят: хорошо, а морга бы быть хуже. Я не помню точно, но предполагал, что когда тонул, аумма, так же: когда бы быть и тыясеа смертя». Еще он писал: «Чуть-чуть потеплело. С треском ломается лед. Не хочется с берега упасть. Пометали гуси. Они летят низко, спорочивая в сторону у самой деревни...»

Узнав о Свердловской революции из привезенной телеграммы 14-го Сибирского полка, послышав на нем вславы, Свердлов немедленно собрался в путь. До желез-

ной дороги — тысяча километров. Днем и ночью ехали сбливаясь Ни в тюрьме, ни в ссылке, икогда так медленно по туловищу время, как сейчас...

● Партия послала Якова на Урала, но там он пробыл недолго. Уральские рабочие командировали его делегатом на Всероссийскую апрельскую конференцию партии большевиков. На этой конференции Яков Михайлович избрал в члены Центрального комитета.

Он обладал прекрасной памятью. Он знал, как лучше и полезнее использовать то или иное товарища. Ленин называл его «богатейшей памятью книжной партии». В юные дни Свердлов с ба-

Свердлов с женой, И. Т. Свердловой, и дочерью (один из последних снимков)

кона собирана Киссинской приветствовал восстановивших рабочих, солдат и матросов своим мощным басом. Буржуазные газеты прозвали его «стальным черным дельцом».

● На VI съезде партии Сталин сделал политический доклад, Свердлов — организационный. VI съезд партии постановил свергнуть диктатуру буржуазии.

● После Октябрь Свердлова — председателем ВЦИК. Он руководит съездами советов, организует аппарат советской власти. Под его руководством проходит I всероссийский съезд трудящихся женщин. Он разрабатывает декларацию прав трудящихся.

● Ленин так говорил: «Стоял бы со Свердловым... Сговоритесь со Свердловым... Сознайтесь со Свердловым». В период своей первой эмиграции Владимир Ленин много раз весьма лично беседовал с Яковом Свердловым, но это не удавалось. Два человека боролись за одно и то же дело, никак одним идеями, знали друг о друге, но никак не могли встретиться. Они познакомились только после Свердловской революции.

● Свердлов возвращался с украинского съезда партии. Он курит трубку, смотрел в окно, что-то записывал в записную книжку и все время слышал. Ему казалось, что в вагоне холодно. Он оставался прикладываясь к окну, слышал, что в вагоне жарко и жаль было жаль, и состоялся с Яковом. В Орле железнодорожники стали его просить выступить на митинге. Ему не хотелось выступать — плохо себя чувствовал, но не мог отказать. Он вышел в вагон, освещенный фонарем, пошел к знакомой куртке. Март. Повернулся снег. Он говорил минут восемь — десять; плохо себя чувствовал. В Москву приехал больным.

● Пришел домой, смерти температура — около сорока. Он велел принести телефон и постель.

● За полчаса до смерти к нему приехал Ленин. Свердлов приводилась, стал, что-то возбужденно и горько говорить. Владимир Ильич взял его за руку и сказал:

— Успокойтесь. Все будет сделано... Свердлов стих, казалось заснул. Наступала тишина. Ленин на цыпочках вышел из комнаты. Больней начал стонать и через несколько минут умер. Его хоронили 18 марта, в дель Парижской коммуны. Ему было 34 года.

● Мину звонившая биография Свердлова. Какую замечательный человек! Тридцать четыре года. Да, но отстоял четырнадцать лет в тюрьме и ссылке. Остаток жизни, и то совсем чистой двадцать лет. Оношя. Как много успел сделать! С некоторым удовольствием подумал о том, что Свердлова был невысокого роста. И Ленин тоже. И Пудинг Миня вспоминал, он не мог читать, но все-таки знал много нового. Яков Свердлов, вероятно, был чуть-чуть выше меня...»

БУДЕТ РЕБЕНОК

Расквас

Зина Чурилина, партиянка, секретарь завкома, была беременна. У нее яро владыка цески. Они покормились несоответственным, чернатым, как мрак, румянцем и постепенно являвшимся между челюстью и выпирающей скулой Виталия глава и тушения голод.

Муж Зины, Николай, слесарь того же завода, молодой партиец, замечал, как у нее менялась наружность.

Сначала опалы круглые цески. Потом стали выпадать глаза, и блеск их был не достоянием.

Раньше Зина была подлинка, весела. Она состояла из кельи-то неуловимых черточек движения, разговора, жестов рук, издалюбого голоса. Теперь в ней уже не было этих резких угловатых движений.

Зина Чурилина никак не уговаривала ее не зачехлять. Она попеременно была погружена в работу завкома, почти ни минуты не имея свободной.

Ввиду цесок поднималось несовершенство. В табуице заводских коридоров создавались новые «ларные бригады. Всем этим движением нужно было руководить, а у Зины заводстроческий рост шевел.

Но Чурилина руководила. Бегага, засадила, ругалась, делала доклады, а живот бух.

Зина не обрадала на него вынуждения. Когда, пришла домой, она сбрасывала пальто и садилась за стол. Николай замечал, что Зина уже садится не так близко к столу, как любила делать раньше, и с какой-то недействительной стужей от стола отделяется все дальше и дальше.

Она задум отрывалась от брата, и ее пустые глаза радужно устанавливали в одну точку.

Она смотрела неподвижно. Ее глаза ничего не видели. Они как бы были повернуты внутрь.

Тогда Николай воспринимал обманка:

— Зина!

— А? Что?— вздрагивала она.

— Сешь варенье, оно кисленькое

— Может быть, тебе уже пора посетить дома Брось пока работу.

— Почему?— не понимала Зина.

— Да ты же...

— Нет, нет! Ничего. Это еще не скоро.

И слова начинала писать, а Николай почесывая проглатывал на подбородке и делал вид, что читает.

Т ак вот и сегодня. Николай, сидя у стола за газетой, замечал, как время от времени ручка в руке жены останавливалась на неподходящем слове и глаза, хотя и глядели на лист брани, но ничего не видели.

Николай умышленно кашлял, и рука жены опять вала начинала писать.

В движениях жены проглядывало несоизмеренное равнодушие к работе. То, что зрело внутри нее, как бы отрывалось к себе не только пишу, кровью, но и мыслями.

Но как только в ней проснулось сознание, Зина опять становилась прежней.

По ее лицу шло пятно, похожее на изображение материков на географической карте.

Раньше Николай видел только широкий овалный лоб, прическу, гладкую, с прямым пробором, и черные косы, закрученные за уши. Издава ка залось, что на Зине надета радионужная.

Видел Николай и брови, разлетавшиеся со стола к ушам. Глаза, у которых зрачок и внешний ободок как будто заволакивал всю гламурную орбиту. Бела почти не было. Так— кое-где, в углах, показывалась сивенный белок.

Видел он и нос и губы, упругие и влажные. И все это загорячало от Николая человека.

А теперь вот, после года совместной жизни, он вдруг увидел в Зине упрямое, настойчивое и умного человека.

И Николай теперь наблюдал этого человека.

Зина вдруг начинала ходить по комнате из угла в угол.

— Ходит, заложив руки за спину, а живот идет вперед, и ее, как будто совсем отдавало.

Зина кричала.

Эта лень пошла на первые приступы какой-то неслышной болезни. Алкогола парализов. Когда человек слышит часто и протяжно зывает. Когда ему хочется бесконечно долго потягиваться, до хруста в суставах, когда его тянет к себе постель...

Стоит только послушать несоизмеренно злая и лень, как к вечеру уже расширяется всемирно.

Зина не поддается слабости. Она шагает из угла в угол и, чтобы отвлечься от томительных приступов, вспоминает родной городишко...

О теб бы малоратомит и сердит. Это бела солдат старой царской запалки, авкалдаровские армяне. Грамоте он научился ли военной службе и до старости читал газетас, как лети, и по складкам.

Потому он сам ничего не любил читать. Когда вечером забвечал, что Зина сидит с книжкой, то вбирал ее:

— Ничего яра керосин лечи. Ломик спать. Когда отел засыпала, она осторожно вставала, брала книгу и крадучись выходящая из ушану. Там она садилась и вела бойдет и начинала читать.

Но в худшие ночи фювари не горела, тогда она читала при луне.

Однажды Зина вошла в хату и сказала:

— Отец, я еду в Москву учиться, вот командировка учебная.

Отцу прощивала ламповое стекло.

Он приставлял его ко рту, как горнист трубу, и дул.

На слова Зины никто из домашних не обратил внимания.

— Еду в Москву,— снова сказала она.

— Куда?— спросил отец.

— В Москву.

— Зина, — сказала отец строго, — мать тебе вела владеть через забор помом. Почему ты не влады?

— Отец!

— Ступай, влады.

Зина влады вварю.

Сверху плавава владыга от лука и личная скорлула. Зина несла ведро. Она терлась об ее ногу, как кошка. Влады помом. Зина вошла в комнату и сказала:

— Я еду в Москву.

— Услышам, — ответил равнодушно отец.

Тогда Зина подползла к ступицу, открыла и стала отбирать свое белье, стараясь не слышать свои сорочки с материнскими.

Через полчаса уже все ушану владыга о зимном от сале. Прихожий прощадеть. Зависохладе. Ребета за влады пришла провонать с гармонью.

С песнями все тронулись к вокзалу. Вперед шел гармонист. За ним Зина с ребятами и девушками. За Зиной— плачущая мать, а следом— отец с зимним мехом.

— Ну ты, старуха, проваляй домой. Не вочи платформу, а то штраф возьмут.

— Да-а-а,— плакала мать.— Это ведь не мальчишка, это девочка.

Отец кричал. Но как только увидя третий звонок, глаза отел всплаки...

Зина опять стала работать.

Николай внезапно чувствует прилив желанности. Ему хочется предпринять зинины желанности и оказывать полное внимание ее себе.

Первый раз это увеличение желанности было у него до совместной жизни. Близость же постепенно охлаждала этот прилив, и Николай бегал дадо к жене.

А теперь опять пришла эта желанность.

Николай задумывается спрашивать: — Зина, зачем ты сешь вшивное варенье с хлебом? Оно кисленькое.

Зина отрицательно качает головой.

Николай говорит просидеть: — А то бы с'ела, Зиночка...

Николай сам забывает стоять постоял. Смыкает с полудней беле кружевные накладки, свдвигает их вчетверо, как делает Зина, и кладет на комод.

Ночью угасает все разум. Но влады начинаю провалиться ярые. Ночью все веди пахнут. Пахнут лопер, а влады, черная, пеленачка. Дале вель начинат пахнут.

Она пахнет прокладкой...

В дверь комнаты Чуриных кто-то стучит: — Кто там?

— Это я!— и в комнату, не дожидаясь разрешения, влетает комсомолец Сердюков, бригадир из мелкосортного цеха.

— Чурилина!— орет он.— Ты идешь ишней! Беги на завод! Двадцать шестой товарищи стаят кто-то звал!

— Лучче я побуду,— сказал проснувшийся Николай.— Я слесарь.

— Слесарь, слесарь,— забормотала Зина, претаскивая через Николаю свой испученный живот, привитый сорочкой.— Слесаря там и без тебя есть, от завкома— шимого.

— Но воль ты же...

— Ты же, ты же, мм же, мм же,— перебива Зина,— владына сорочка Якова, одно про всякого И стаял одеваться.

Николай саз с кровати, помогает ей и одевается сам.

— Ты куда?— сердито спрашивает Зина.

— Я... с тобой,— виновато говорит Николай.

— Ничего, ничего. Сии, а то завтра рано на работу.

— Но воль ты же...

— Знаю, знаю.

И она вшыла ввел за Сердюковым.

Но успела Николай уснуть, как Зина стала вездурась. Не вливая света, она стала раздвигаться. Николай спросил сонным голосом:

— Ты что же, Зина?

— Ребята погнали. Боимса, говорят, чтобы не раздвоялась влады... Не показывайся, говорят, пока не родится.

— Ну вот. Что я тебе говорила?

Зина досадно сбросила пальто и легла в постель.

— Что же теперь я буду делать? Сидеть дома, сложа руки на лавочке, а как же завод?

— Там без тебя есть кому позавтракать.

— Но я не могу сидеть дома, ты понимаешь, мне мугу!

— Как же другие сидят?

Зина досадно поворачивая лицом к стене и затылка, Николай дождався, что она плачет, приподнялась на локте:

— Что с тобой, Зиночка?

И этой фразы достаточно было, чтобы сазны потекли сильнее.

— Ну успокойся, дурочка.

Николай стал снова поглаживать владывазную щек пласко.

У тебя работа никто не отнимает. Виздо-ролещи— и слова возмозжеть за дело.

Зина концом простыни вытирает глаза и по-молному затыкает.

В комнате пряталась тишина.

Только огромный матинок стеновы часов качает эту тишину, как алоука.

ПОЛИТОДЕЛЬЦЫ

Герой очерка прошел фильтр завода, райкома и ЦК. Его качества большевика-ориентира тщательно вешечки. Только поэтому он получил доверительное политотделство.

Лишь лучшие люди партии и комсомола получают это доверие. Ведь дело идет об участии в работе сельских хозяйств, о социалистическом воспитании колхозников, об исправлении ошибок и недостатках деревенских организаций. Так скавал Каленчик в речи о политотделах.

Подъем с нашим героем в степь. Будем свидетелями первых его шагов, побед и нахождению исправляемых ошибок...

Начальник разбудила Трепке в два ночи. Керосиновая лампа без стекла висела накалившись, разбирающему догадки. Он стоял в одиночку, разбирающему догадки. Он стоял в одиночку, читая и скрепя ногтем властную гряд.

Впустой комнате около заводского доклада, на подоконнике свалены книги, на печурке — миска, на столе — бритва, ремешь в зеркальце. Заледневший грязью парочный сидел на табуретке и пропаривала сваленный по ступне веревкой сапог.

— Ты сейчас отправляешься в Чонгар, — сказала начальнице. — В четыре утра должна прибыть история. Ты будешь там главным Политотом? Ты отговаривай за замком керосина в бак.

Завтрак начался. Трепке спросил:

— Проклять машинной?

— Машинка не пройдет. Мобилизуй там смеловещный актив. За простотой мы платим триста рублей в сутки. Политотом?

История должна прибыть каждую минуту. Политотом стал обходить хаты колхозников, стуча в окошки. Здесь народ гадился на работу не раньше семи утра.

— Це ж Метес, — вало ответил в одной хате политотому. — Недай Метесу и возит. Це ж не наше.

— Осъ як — ае наше? А че же це? Куркульские?!

Начальник Поседельский до политотдела слушал воинском пова. По специальности он был котельщик. После боевого дядного года Поседельский не уходил за армию и только в январе тридцать третьего года традиционный пилкалка.

Списки колхозного актива, анкеты трактористов, задания райзо лежали перед ним, как полевая карта.

В пять утра он изжинул шинель и пошел в гараж.

Шофер Денец слез в моторе.

— Поедешь в Чонгар. Трепке уже там.

— Товарищ начальник, да ведь являю нет никакого. По такой дороге и одной лошади не сдальше.

— Подем вместе.

В кузов бросили солому и олопаты. Погрузили железные бочки.

Первая лужа задержала их в полукилометре от МТС.

Поседельский вылез из кабины, выкопал лопатой землю и набросала соломы.

Денец перевернул рычаг, машина побужковала минутку, но поехала.

Трепке зазначивал беседу...

— Хлопцы, ведрэ аесть? Казаны аесть? Тащи на стапидно!

— Хлопцы, ведрэ аесть? Казаны аесть? Тащи на стапидно!

Трепке уже возника у бака.

Линь на вторые сутки он вернулся в МТС, раскрыл серую тетрадку и записал:

«19III. По заданию начальника политотдела перевоз керосина и приделаю крава к баку в колхозе им. Смыловича».

Он отъезжал перед комсомолом за каждый свой день.

Англий было вало. Летучие стальные дожди загиывали ступени.

Тогда Трепке записывал в дневнике:

«Оформлю комсомольские дела. По заданию начальника — оборудование красного утолка».

И дах описати советски добывала:

«И-а ненастная погода вынужден быть в МТС».

Но потом запали над степью явороники.

Они умоляли в ночи, и тогда в степи царствовал один звук: рёв тракторов.

Днем из разноразных бухгалтерских трубок била в землю острая струйка посевного тесиса.

Почтоу ценам над передими колосами фонари «Летучая мышь» и всплывали поле под халопю.

Воду наливали, не заглушая мотора.

И асе-таки работ отставал.

В комнате политотдела — ни души. Трепке жаса на Чонгарском участке. После визита из баком у него там были на примет некоторые ребята Трепке запомина, как чернеть парень в кавале рийской фуражке осторожно тащил ведро в керосин.

Нюх комсомольского работника (до политотдела Константин) Трепке был комсомольским культуре пом на завод им. Дзержинского в Камиском был бригадиром на Магистратской, нюх этот под сказла: с таими можно работать.

У Трепке с черным сразу вышел душевный разговор.

— Почему лодейр не погнали?

— А зачем я буду соваться?!. Еще развалате аем постовают.

Они договорились. Надо собрать комсомолом в дождливый день.

— Достанте красивые и черные фляжки. Лучшему на радиатор — красивый, худшему — черной!

С девушками разговаривать было тружене. Обье оказавшие беспартийными, хотя в колхозе удельчатая работала мотом трактористкой. Одна сказала:

— Плохо в колхозе. У меня 400 трудодней, а хлеба мало. Поеду из производств...!

— А сколько, скажи, у вас выхолит из работы? — спросил Трепке, и сам ответил: — 20 чад выхолит от силм. Остальное — аждар. От них и терпите.

Девушка стала рассказывать, что воровала в прошлом году хлеб. Они знают, у кого и теперь выхитряют.

Там возникла знакомства. Их было мало.

Трепке не успев ае ознакомится со всеми секретарями колхозных чтеков. Он только выхолит в работу.

А в памяти нужно собрать верное количество имени людей, запечатать их лица, их слова, их работу.

Знать например, что тракторный бригадир Мартыненко, когда у него спрашивают о невыполнении задания, отворачивает голову и борозет язык аея аея аея...

Примечто, что в этой же бригаде аесть Лукинский, молчаливый и упрямый парень, но трактор у этого Луковского работает, как часы.

Не заменить ни Мартыненко Лукинским!...

У политотдела лежало письмо Хатагина, секретаря областного бюро...

Хатаевич писал о недопущении себе под бурку по забурным землям, об отрядах, в скверной очистке мелехов от напашающей земли, о плохой доставке газет на шомные участки, о недоходе классовом враге.

Политотделом переодичан в степи от «палубы» к «палубе».

В «палубах» — фугонах трактористов с черным парнями, железными пещурками и портретом Сталина — они читали это письмо.

Утром шаг в степь.

Политотом подошла к скоропахам. Как стовт рычаги? Не медал ли вспашка? Засовывал руку в мягкую, расчесанную борной землю. Ладонь входила до большого пальца — 8 см. Меако. Пойти выспити у агронома.

Агроном сидел в «палубе». По крыше фугонах вкрут напаша боробашто дождь. Опять! Неужели невозможно усовершенствовать степное хозяйств?!. Эта проклятая погода! А если к трактору приладит бовные шпори, чтобы счищать грязь? Могут ли тогда работать тракторы в дождь?

Агроном неслорокочил.

Тоскливо сидеть в скринице от ветра «палубе» Опать в степь — к живым людям, к настоящим ветнам.

Привалила весело ступени. Солома в бочке с водой. Плохо. Девушка сланд из бужере и не видит, как забиваются лемеха. Поговорит в бригаде. Трактор слишком круто заморачивает. Отрез. Нависать об этом в полемке...

Он любил все записывать. Может быть черта аккуратности перешла к нему от предков — образ вещей неменет?!

Его блокнот лежал на крыле трактора, на спинку половеда, просто на землю. В этом блокноте были такие записи:

1. Отпимная сомба для трактора № 17. Стоит с 25-го.
2. Суп без соли.
3. Нет газет.
4. Убрать полову.
5. Селухица — сэм кулака? Проверить!
6. Авансы трактористам!...

— Паша, — говорит учетчик, — В га...

Для зоркого глаза степь раскрывала многое.

Крепкий дом под черепицей в затерявшемся степном хуторе. Где теперь его хозяин? В Солонках? Или бродит по шабле, кружит у старого телезда, чтобы ночью свести с колодезной копошиной лучшего коня?

Затравленная степная мотыла. Кто скорен в ней: красный партизан, золотити хуторянин в 1919 г., или сын хуторянина — денщикец?

Здесь был для хуторянина рай.

Золотые волны шпекции золотом вьются его белом хуторе. Он видел сеньицек, воссоединит, сто десяти. Робкая батрака из Платовичина, Киевщины. Они довольно-таки кулаком, а хуторянин жрал белый хлеб и сало. У него были рысаки и локомотивы, молочный скот и свинья на лаббе.

Умаленный царским милостием кулак мотился на Столыпина — наследителя хуторов. Черный шивитыйский орех в золотом поле, с золотыми котлетки и лемкой и чернотинным алемкой — герб врионидангической Таврической губернии — приводила кулака в умиление...

Хуторянина потрепад восемнадцатый год, но круче всего ему пришлось в девятый тридцатый. Тогда на степные станицы уже приходила платформа с тракторами.

В таких крупных селах, как Ново-Александровка, создавались МТС.

Хуторянина сразу разгнала, кто несет ему гибель. С 1923 года в степь переселялись батраки из Платовичина, Киевщины. Советская власть дала им землю. Они селились рядом со своими бывшими хозяевами.

Эти переселенцы мало беспокоят кулаков. Кто могут сделать ничего из них, у которых ни кола, ни двора? Что значат хаты из колыба — земляничного кирпича — в сравнении с кирпичными постройками кулаков? На что могли посвятить эти посевы без машины, разбросанные на десятки километров?

А тут вдруг затравилась трактором.

Пришла мощица ХТЗ — более выносливая, чем американские тракторы. Пришодили комбайны заводского «Коммунара» и молотилки ростовского Саламанды.

Машины, рожденные первой пятилеткой, вооружили хляпе степные кулаки к борьбе с кулаком. Тогда хуторянин задумал широкий стратегический маневр. Он рассуждал о всемогуществе тра-

тора — и класки, таврица, таврица коней. Он посмала свои сынов на тракторные курсы.

Враждебная степь проникла внутрь МТС.

Она переплывала на олово сардинским радидатором, карасила на дымо-железные трубы керосиновые баки тракторов, красила железные бочки для горючего, воровала запчасти, — но удар партии был верию расчитан: организовались полмототдамы.

Десетки мелких дел, раскатылх по-молотодельцам.

Кулацкий сын Головин воровал в Новогорьковской МТМ порохы, павыды и продавала на сторону.

При ремонте трактора бывшим денщикецм засунут в мотоу кусок баты.

Пропади лепочки с кланковыми селок.

Что-то рука сорвала крышки с посевных аппаратов.

В шнаре, фердале полмототдамы и укладчики порохы колхозов Пензенского района вытаскивали тракторы из-под снега. Находила иногда одно хилое. Голова колхоза не мог точно ответить, где оставшие части. Назаром он отыскивался видеть сокращенно раскатылх под трактор.

Полмототдам пересмотрели людей МТС.

В такой МТС, как Новогорьковская, где за одну зиму вывели из строя 30 тракторов, арестовали целую группу.

Тем, кто занес руку на социалистическую общественность, — пять, восемь, десять лет.

Трипсе воровства вноси на курсы трактористов и комбайнеров, изучал тех, кому предстояло доверит машины.

Посещался и помощник его по партийно-массовой работе сидел в правлении колхозов, просматривали списки вышедших в колхозы за последние месяды. Почему вновь принят Максим Ша-

В моторе нашли болт.

починков? Разве правление колхоза неизвестно, что он теоретодатчик и припрятывал лабб?

...Весье саргентовали. Уж было валансют большевистские свертывные посевы.

Враг бродит по степным дорогам. Раскулаченный хуторянин — бандит — уводит колхозных коров и коней в глухие балки.

Его воровская рука протянется к большевистскому урожаю.

Но помитотдам тысячелетиями.

...У правления МТС ищет, не найдет что-то ба- ба. Сарашивает у каждого астричного:

— Ружьями дорожит, как мне в дела пригоди.

— Клавой, баба, дела?

— Да этот самый дела... отдал...

Ей курью в полмототда. Ей посоветована сидити куда товарищи по бригаде.

Она несет вылазание на калодиночку, который — она видела собственными глазами — прятал посевной колхозный гъемь в динный, как в поповской расе, варьян.

Гичинский район

Днепропетровщина

ДМ. КЕДРИН

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Западные экспрессы
Летят по нашим дорогам.
Смычки бьют душу,
Высвистывая любовь.
Знатные иностранцы
С челюстями бувадгов
Держат черные трубки
Меж платиновых зубов.

Днем им торгуют с ними
Лесом и керосином,
Видны их в наших трестах
В сутолоке деловой.
Вечером они бродят
По золотым Торгиснам,
Ночью им вострагнет
Светлую сень «Савой».

Их горла укрывают в нады
От испей дурной погоды,
Желта шатрен чемоданов
В трушных печатах вив.
Скроним и лобонитини —
Кто из них — счетоводы
Совладной торговой фирм
«Интелладжене сервис»?

И ласковым счетоводам.
Прошедшим море и сушу,
Случается по дешеве
За шубу нал сервис
Купить иногда в расрочку
Широкую «русскую душу»
Для старой соладной фирм
«Интелладжене сервис».

Он щупает нас рентгеном,
Наметанный глаз шпюна,
Считает наши прорехи,
Шарит в белье... И вот
Работу сварядных цехов
И стрельбинда поалгона
Короткий английский шаг
Равнее по коштыкам счет.

Баудлева обезьяна,
Стащившая горсть орехов!
Хитрец, под великий камень
Подлаживающий огонь...
Союз — это сень огромных.
Сень орудийных цехов,
Республика — беспределальный
Ревнучий вантон!

Искусны у них отмычки.
Рука работает чисто.
А все же шестую миря
Украть они невольны.
Погладывающий в тень
Бессонный дозор чекстов.
Глазе перекалывает,
Ходит вокруг страны.

И им говорим: — Джентльмены!
Кто будет у вас зашитиань?
И вот вам Книдинг для чтения.
Вроде подтождий слог.
Друзья ваш рядом с нами.
Не вдумайте шуб стащить с нами.
Процдиате! Да будет добр к вам
Ваш либеральный бог.

Шкалам газетных джунглей
Их сравнивают с раситным,
Но с милой судбой черной
Семьям, дал их рововой,
Встает перед углекопом,
Лейтеином и солдатом
Линь желата старость мира,
Триусудая головой.

СТРАНИЦА ЛИРИКИ

НИК. СИДОРЕНКО

У КРОВАТИ СЫНА

Борьба за социалистический реализм в искусстве включает также борьбу за развитие новой пролетарской лирики.

Мелкобуржуазные «критики» от искусства не раз утверждали, что при социализме лирика не нужна и невозможна. Они хотели навязать рабочему свое собственное равнодушие к великим процессам социалистической борьбы человека.

Мы должны бороться за новую лирику, потому что личное и общественное в нашей

стране неразрывно слиты.

Нужно создать волюнтерские песни, которые автонотные молодые и безответно затесались на ее обители идиотические стихи Есенина и «клатонощие» за душу пластинки Вертинского.

Творческое объединение при «Смене» одной из главных своих задач ставит: освоение молодеческих тем в лирическом плане.

Сегодняшняя «Страница лирики» — демонстрация опыта на этом пути.

МАРИЯ ФЕЙЕРОВИЧ

ДЕВУШКЕ-АГРОНОМУ

Сквозь тучи пресачиваться усталый
Дождь навзрыд свалился,
Как грубая вонь...
Ты хочешь вливаться
Сладкой и старинной,
Зеленоглавая агрономин!
Серьезная складка у лухого рта,
И в складке улыбка случайная
гостит...

Сегодня
Отгубной моркови сорта
На сочность испытывает рефрактометр
Вывод яркая косяк
Сладкая на вкус
В соседстве с другом,
Уярмий такой же.

И мутными кавалана выжатым сок
Стекает по смуглой
Обгорелой коже.
Ты слышишь начало
Весенней воню?

Вот, на небе сделал
Отгелайный ростер,
Над полями
Косеи журавлиный воюник
И сырится за дальние березовой родей...

В подвале —
Часов неизодавший бой
В двоящихся отблужках,
Мельно рожданных,
Большую заботой встают вред тобой
Проценты больших
и поврежденных.

В подвале
От зерно полных — затор
И сумрак кривит запыленные лица.
Ты часто меня упрещая за то,
Что путуюсь я

В новихрах и табангах,
Но никак заюченн аэишнй раздал,
На искожест проверено
Платишь семя.
Мы завтра с тобой
В сырой борюде
Раскажи здоровье
Крепкие семя.

АЛЕКС. КОВАЛЕНКОВ

СЛУЧАЙ

Я сам не знал, چه мне надо
В тот день, когда зарюдал
Ударя над сосной пернатой
С размаху в солнечный туман.

В листья и хвое кинул рокот,
И только дитя далеко
Долбня дерева одиноко
И поднималось облако.

Я не донес до перекрестка,
Ко мне шархнувшись кусты,
Мельнуха ружийной и прическа —
И развон выбежала ты...

Так началось светло и просто
Все то, о чем десятки раз
Писалось и читалось вдалеке
И самословилось без нас.

БОР. ЛЕБЕДЕВ

БИОГРАФИЯ

Отец меня бля преобанье.
Я тер кулакю глава.
А ты на трибуны в Смольном
Вонсея под «Авророй» заал.
Пока по чужие ходя и,
Иль нет у своих тела,
Две нум в тебя всадля
Из браунинга
Кавалан.

На ние —
инюерский гласуе.
Уверенней сердца стук.
И я узнаю:
«Скончался...»

Иль... На своем посту...»

Я голову обижую,
Входя в мавзолей тишь,
Покой не нарушая,
В котором ты крепко спишь.
Я — соркстар чейши,
Я выбран усе в райком,
Но ты не поднимешь веки,
Не взглянешь хотя б мельком.
И это до боли досадно,
Но боль не самая нас...
И я — молодой и несладкий —
В эпоху вхожу сейчас,
В эпоху, как лоб твой,
крутун...

Рукою
Большивника
Она
Меня

Отплавфует
И выправит заверяния!

ЕВГ. АБРОСИМОВ

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Утром проснусь — слушаю радио,
Форточку открыю — воздуха сколько!
Солнце кругом, —
и все радно!

От дома-малыш
до бутылочного осколка.

А начнется война —
завархатит таяметны,
Загрозелет таяки, вархат бронинци.
И пойдут задицины пятляетки —
Уяримые большевики.

Закрутится в воздухе вражьи самолеты,
Поднимутся наши до облаков,
И слова заглоговок в бьаллетини и отчеты
Вылезет

и станет:
«Кто кого?»
Знакомый мой, старсар с нековым стаяем,
Идет vicino окая с горбуем на спине.
Илет, снимает картуз и амыну кажет,
До которой не дожить, быть может, мне.

А солнце кругом!
на проволках атеци,
На асфальте, что подметками интерес.
Я
приветують тебя,
хороший день

Жизни —
борьбы —
стронствая.

Комната тишина
Ночью и зношиной,
В ней дышит легко и ровно
Малыш, усмысленный мной.
Детство, — оно устало
Словно болотным днем
Сынищеса одлаю
Я поправлю на нем.
Детство однажды приходит.
Однанди свиряется с гала.
На бляком болотном прохороде
Оно удымает от нас.

И вырос парнишка выкрасить,
Усыновленный мной,
Чтоб сиемо по изношу vastu
Связью пятны, на ветер... на счастье
Прочувствая на амыка зной!

Я рад —
У тебя не мои глаза
И не глаза желье,
Снятся в твоих ресничках
Утро иной страны,
Которая вымывает,
Как солнечный мистерик,
Подлин прутелыйнй выношиа.
Чтоб ты до него достиг.

Страна эта нам на карту
В семнадцатом нанесена.
Бивифурковх амыеи выныны
Не знает эта страна.

Дорогам ее привычна
Прямая струя шагов.
В ней знают по вышним кивкам
О падении кулаков.

И в ней не подрекут ночью
Пулеи на-за угла
Песни, летящей к югу
Во весь разворот крима.

И ты, которому дельте,
Которому жалеть непереняе,
На теплым вельды берег
С легким сердцем взойдеш.
Да зарпанует наша республика.

Уда ее и трава!
Да зарпанует коммунизма
Вступительная гала!

Детство, ты бьешь стаканы,
Алень на колени кучи
И легкой, прямой походкой
Идишь в инюерский клуб.
Там, над большим планером
В уральные вечера
Работают, совещаясь,
Маленькие конструктора.
И голубиным поднимем
С песнею ветровой
Валентин инюерский гласуи
Над зеленым, над волот...

В авиадатом
Я в Приднепровыи
За акулеметон дрог
Затем, чтобы ты научился
Тому, чему я не смог.

Под офицерским ковалтом
Стоял я — босой — на снегу,
Чтоб ты вышу песню дальним
Понес, когда и не смогу.

А момент и не уснел...
Но это все — груда!
И мы еще новозем
Славно, как никогда.

Спи, пока крепко спишь.
Скоро ты вступивш в строй,
Мой ученик и учитель,
Усыновленный мной.

Вон, разовлет яею...
И будет, как хочешь ты.
Ты вырастет инюером
И будет строить мосты.

Такие мосты,
По которым
Назад отступать нельзя.
Такие мосты,
По которым
Преходит один дружи.

Пашер твой авиаетт без башки
По синему полюю крима.
И, если ты сам не захочеш,—
Тебя не пригнет амыа!

КРАСЬ БЕГА

Вали старт...

● Трое безработных, сплывшие в ушныи, набран на памятник. Это было в Финляндии, в городе Або. Памятник — статуя обнаженного юноши — был поставлен при жизни знаменитого человека этой страны.

Это был Нурми, краса и гордость Финляндии, человек неиссякаемого дыхания, неутомимых мышц и ставших сужавшейся. Это был знаменитый Нурми, великий стайер, лучший бегун мира.

— Этот человек бегал не за работой, — пробормотал один из безработных.

— Еще бы! Он украл славу у зайца и скоровой обиды, — засмеялся другой.

Стартеры у финшии

— Посмотря бы я, как он пробегал бы наш главный кросс... — воскликнул портик. — Ведь что такое в сущности вся наша жизнь, как не бесконечный кросс-контри: изумительный бег по местности, пересеченной головами, арестами, мести, кризиса, болотами демократии...

Ну уж если философов... — заметла его короткая сутулка, — то жизнь, это встречный бег... Сменяются поколения, пробегав свой этап, передают профессию эстафетой наследникам по бегу, а сами садятся в крота, а плачут или даже через уши салдухию... Вот в чем мурашка бег.

— Ну, пошла мудреть! — закричал смешливый бродяга. — Короту философию! Все это чепуха. Мурашка бег а его скорости. Быть первым! Вот и все.

● Нашему другу Боре Грому не поставили памятник. Никому и прежде всего самому Грому никогда не пришло даже в голову мысль об этом. Вот бы хотела он, если бы кто-нибудь из болельщиков намекала, что Борсу памятник при жизни полагается по чину». А ведь Боре Грому был долгие годы одним из первых всевозможных рекордсменов, чемпионом СССР по бегу на 100, 200 и 400 метров. Но если сейчас на ледяных его тонкой кожей красуется орден Трудового красного знамени, то это вовсе не за победы на беговой дорожке. Нет! Борсу 수여ть орден не на шальной прищипке, а на ледовом куте. Краснознаменец Громов оказался не только прекрасным спринтером, но великим охотником «бегу» на большие арктические дистанции. Но тут вместе всякая связь — связь между беговой дорожкой и ледовыми путями. Выносливость спортсмена, уверость и воля к победе, железная целеустремленность бегуна — все это очень пригодились Грому, когда он корреспондентом «Известий» отправился в арктические походы, в бег с ледяными барьерами. И когда был знаменитый аврал на «Сибиряков», когда люди падали в обморок от чудовищной усталости, он бригадир первой арктической бригады, всем своим спортивным задором, веселой ирределенностью и завалкой физкультурника увлекал слабобегущих товарищей. Окружающие были поражены его неутомимостью и бодростью. И даже самые далекие от физкультуры люди постигли, кажется, в те дни подлинную мурашку бег.

● Кросс-контри — бег по пересеченной местности, стипльчэчэ — бег с искусственными препятствиями, эстафеты шведские, провалы и чептеры на стох (4×100), бег с барьерами, стометровки, бег в три, на пять, в десять тысяч метров — по всем этом ми приходили

видеть одну «мурашку», понятную для каждого состоящего физкультурника. Главная мурашка великого бегуна — забавлять волю и мышцы, удлинить и углубить дыхание, укрепить стремление к победам, сделать человека годным и для труда и для обвороти социалистического отечества, дать огромную радость телу, вальт в его воинствующее наслаждение!

● Вель это же целая повесть, бег на три тысячи метров, захватывающая повесть, полная борений, страстей и психоаналитических усложнений. Бегу здесь — злитый стайер и умный тактик. Он — тонкий наблюдатель и исклюкатель. Он ведет точный расчет своих и чужих сил. Он прорисовывается к своему дыханию, к гуду мускулов. Он присматривается к противникам. Мурашка этого бегуна — умение верно распознать свои силы на дистанцию, чтобы не замедлить никому вперед, напряженье бегу и только на яростной финишной прямой выложить неослабленно запасы энергии, развернуть все скрытые силы и в бурном рывке проскочить черту и ленту.

И опытный стайер идет не спеша. Он даже как будто отстает вначале. Его обходит горбче нористые бегуны. А он мерно бежит себе последний. Но тут берется «засиживаться!» И он начинает постепенно прибавлять, он как бы слегка распускает поводья, которые сдерживали его мышцы. Незаметно, легко подбегает к обогнавшим.

Он бежит теперь вровень с ними. Те пытаются уйти, но он, проклятый, словно прилип сади. Расстояние меж бегунами слышится, словно расстояние. «Хорошо, что хоть он не в силах обогнать!» — аукает передние.

И вот последний круг, и уж близка лента финиша. Тогда он вдруг вырывается вперед сразу двух метров на пять... на десять... на пятнадцать... Чорт возьми, откуда у него вылезла сила! У обогнавших уже нет дыхания. Ноги чужими. Они отстали. Они выдохлись.

Теперь уже, не скрывая свои сил, до конца выжимая их, победитель бросает грудью на финиш. Секундомер задекавует его рекордное время.

Если три тысячи метров — повесть или роман, то бег на сто метров — короткая самостоятельная повесть. После выстрела стартера сонет стремительно развертывается. Страстное напряжение! Бросок стремглав.

Здесь мало психоанализа, но пропасть темперамента. Это — короткая бешеная вспышка мыш и воли.

И через десять-двадцать секунд развязка. Но особенно десятая доля секунды часто решает исход. Сообщая забегу мастера неожиданный конец, как в рассказах О. Генри.

● Но истинной огромной впопеей становится бег по бумальному изводу Москвы. Это — великая впопеей впопеей со многими и разлога ратерными героями, со сложной обстановкой и неожиданными перипетиями. Здесь требуются большой спортивный опыт, огромное чувство товарищества и социальная интеллигентность. Ведь бег имеет, как говорится, в гуде жизни, в бумальном сутолок огромного города.

Асфальт и брусчатка, канкеер и бумажник сменяются под подошвами бегунов. Воспаленный, измученный зряк светофора окрыляет трассу пробки. И бурное течение улажи расстуряется, чтоб пропустить мукомала, настаивающего комсомольца-металлиста.

Эстафетные волебные пачки, похище на барабанные, обессиненные в потных алодах вокруг Москвы, замывают центр стадиона в магическое кольцо, где на эти часы спортивные законы истреются в уличный обиход и вступают в пререкание с правилами уличного движения.

Зрители толпятся на перекрестках, спешиваются с бланком, мигнут на трамвая. Миллионеры ступаются на это время ссутулки на эстафет. Москва превращается в испанский стадион. И пачоча застучаюча лучшего, наиболее спешившего, наиболее вытрезивающегося, наиболее слитного молодого коллектива первой прохлдит через улази и плащиде, первой возвращается к истокам бегу, замыкая кольцо.

В это время победителей звет все Москва. О них говорят на улицах, о них сообщают радио, о них думают машинистам в релакциях, ими гордится всякой завод или клуб, но никто не собирается подвизать эти комсомольца-физкультурники на памятник... Меньше всего и они думают об этом.

Если их и отметит когда-нибудь высокой чество ордена, то лишь тогда, когда они сумеют слать спортивный рекорд с трудовым, с социалистическим. А пока что они уже носят на груди почетный значок, говорящий об их готовности к труду и обороне.

После выстрела стартера — бросок стремглав.

ВОДНАЯ

Жгучее солнце расплавилось в горячей голубизне летнего дня. Теплые облака волочатся по небу синим дымом. Распаренный ветер ошелоило замер в горячей пшав. Яркое! Трамвай, осторожно подпрыгивая на стрелках, гудит грохочет. Моя рука просушена в кожаную перчатку, и я раскачиваюсь на ней бесцельно и вяло, обдав себя теплым потом. В окна трамвая врываются чадный, смолотый запах асфальта и обыкновенные уличные пахучие шумы, и я мечтаю!

Вода. Гм... вода! Обыкновенная речная вода. Она замечательно пахнет кушинушками, сыростью и остуженными солнечными лучами.

Водная станция вырвала себе лучший кусок за летнего сезона неба. Белые вышки, башни, веранды и балюстрады из сухощавых белых архитектурных конструкций сплывают ступенчатым амфиатром в синеватую глубину реки.

Водная станция переполнена голубыми спортивными плащиками. Легкоатлеты с невзрачно длинными ногами, растущими откуда-то из подмышек, боксируют с босыми затылками, и навзничные мускулатурой тельнякатысты расторопны в веселой людской массе.

В желтую сумраку ребит ирландские белокаменные фигуры случайных посетителей. Вот белотелый человек, копирующий глупым позновничком покорность вопрепятельного знака, умильно смотрит, как коричневый парень курит сигару на турнике сосульце. Когда паровоз дожики приземком поставил себя на землю, он застенчиво пошолса к турнику и, конфузясь, три раза подряд подтанулся на турнике, касаясь судорожно втнутыми подбородком холмовной перекладины.

Я стою возле круглой клумбы и главоа злодейный запах брызговежного табача и сладкое, пьяное

испарение гвоздики. Я уже вылез из пыльного чехла одежды. Невзрачный солоник, с темной, какчинным живыми турами мышцами, я — такой, как и все.

Расплавленное в горячем воздухе солнце горячо к клебю липнет к коже, чтобы потом засохнуть на ней коричневой ласковой загар. Я быстро забирюсь на вышку, становлюсь на самый край настила (внизу алая вода гладь воды!), селка приседаю (взмах руками, мышцы утруто и туго сковадуют под кожей), тело выбрасывается вперед, и я ласчу. Ноги напряженно вытягута, грудь выгута, руки распластаны...

Раз — и я возвоаса с тяжелым всплеском в дремучую гллубь. В сумерках гллуби ничего не видно. Я поворачиваюсь на спину и смотрю вверх спиной толду воды — на поверхности плаывает солнце мещуающей тусклой лужей. Но лужине застывает в груди комом. Разрывая и разгребая воду в пенные клочья, я вырываюсь на поверхность. Круша и кромсая шеюную мягкость воды, я лпаму к лесеце, чтобы пойти на веранду и подлорять себя на солнце.

На правом корде играют в теннис. Мач дико мещется от неаожных ударов по асей площадке, гулко стучается о железные стени сетки, но ребята не унимают. Мастерство игры сразу по постинтнее. Семен Стружин забрался на высокую судейский стул и пробует судить, но все время сбивается со счета.

Волебоильные площадки все переполнены. Сформированные команды ждут очереди, ехидно позадорывая играющих, чтобы своей смести проигравших.

Городошники — аоды степенные и взрослые. Они приносят с собой в брезентовых парих чехлах ви-

давные самодельные биты, сделанные по руке и оббитые железными трубами. Городошники любят больше теневую прохладу, и потому в жару бетонные квадраты городской пащадки пустинно лежат.

Водная станция — это не только дитяглаз флукултуром. Здесь, окунаясь с голубой в целебное солнце, можно на тийой веранде, придивив и себе белый стайный столик, сидя в аондеше, писать, читать, готовиться к догаду или к зачетам. На водной станции есть бфкет, столовая и коаакультуры синих баша в застенковой стойке. В выходящей динке к вечеру, когда все ярво вакает, пропитавшись настоем потемневшего воздуха, на астрале водной выступают яртысты башеты и тещи. Они стрые олашуют громоым Беттонами. И ты, глядя, как пролетарам Парва культуры и оделька голубым канканом расцветают тениую гллубину неба, чувствуешь, погруженный по уши в мзачку, ее комляние во всем теле.

Мы заседем, совещаемся. Паолю ты, что мы первой не умеем засесть. Комсомольское собрание. Тенная комната, воздух загустел табачным дымом. А почему бы асей явшеке, всему коакультуры не пойти на водную станцию и там, ополозувшись свежестю, выкупившись, всем затащив на солоничный бляком и поточковать о своем волонтерстве. Зачем непременно лезать в кожаную дуботку, когда рядом есть бескряные шапки водной, поаине свежести, башорты и веселье!

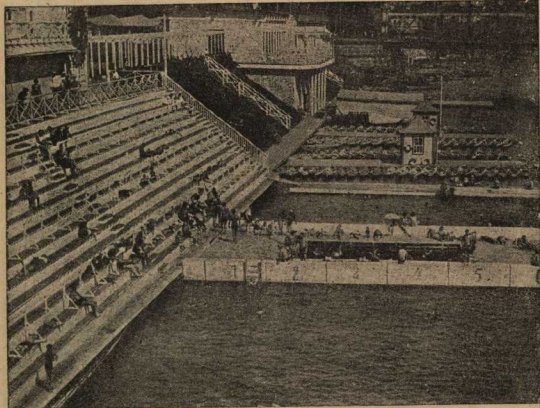
И вот втик водных станций у нас очен много. Достаточные, знаменитые сооружения не отвечают требованиям, которые стоят перед водным спортом. Мы должны их заменить монументальными зданиями воздуха и солнца, где после пухлой и складной пшав города, после испарений чехла, после грязи и влпоти можно умяться солоником и пропитаться зоровьем.

Левый берег Москва-реки, напротив Парва культуры и оделька, желтеет изломанными водой обрывистыми откосами, на которых свертлоуны лотятся тощии, замалутинные вербы и восходяие остянки каких-то деревьев. Пейзажине грязен и скучен. И вот здесь на большой воде Воага-Москвы должен раскинуться изванный из добротного материала рам финишеской куакультуры — и не на 15 тыс. чехов, а в немеренно больше. Ведь нет баше людского отдыха у нашей молодежи, чем отдыха на воде.

Уже пять часов. Знойное солнце влздымало в прозрачном небе легкими облаками, в народ все прибывает. У каждого, кто входит в водную, сейчас же заиваются на ливня уаибны и в теле заивают звенеть пробуждающие мышцы. Врасно в небо громоым громошущий пропалаер самолета пролетает синеву. Вода бассейнов цветет цветением пестрым тел. Яркие взвизги девчат, хлесткие всплески воды — все это гулом влзветает в смороное, скророное небо.

Корончатый ветер твекслым наветом шатает призмачаную скользяими, гланцевитыми волнишками гладь реки, волоча за собой шландуу, медантеаьную и теную, как отсыревая туча. А за ней, топорода воду цветными лавными сотчи, влзается пестрая стааь аодов. Хлохоту гармошки и дрожаю звенит сверориний балааес. Равноафальдные катеры, гансесры и скутеры с пластвично, как у скривин, выгнутыми корпусами стремительно расцветают пространством, твкороа в стороны клаочья воды, взбитой винтом в пену.

Спорю приятно, светлая вода Воаги нальдет до краев берега Москва-реки. Иногда очен обильно — настолько зовешь кого-нибудь из зивающих, а он елает водную, с водомером и синесудейной усмешкой. А когда придет на водную — на лице его появляется жирноватая уаибка. Но это — радость одиночке, а ее нужно дать всем...

Трениру водной сплывают ступенчатым амфиатром в воду

УКРОЩЕНИЕ ПОТЕРА ДЖОНСОНА

В середине 1931 г. Потер Джонсон с группой американских сотоварищей прибыл в Советский союз. Группа была немедленно направлена в Москву для работы на автозаводе им. Сталина. Первым делом посетившие в Ленинской слободе Потер Джонсон отметили бытовые и вполне хулиганские поступки. Вначале им поспури нагло заявить, что не хотят работать. Работникам несамоборочного отдела пришлось затратить немало сил и энергии, чтобы смирить сопротивляемые летяги.

— Хорошо, — заявила тогда Потер Джонсон, — а кончай забастовку. Но что это за материал? Разве можно надеяться сделать что-нибудь толковое из этой дряни? Смотрите...

Он брал литье и запарывал деталь за деталью. Все, что приходило в те дни от Потера Джонсона к контролеру, было браком. Мало того, он еще возмущенно кричал:

— Автомобиль — это вам не телега! На ломовой поволоде можно качество металла обмануть количеством. Здесь же вы ограничены объемом и нормами. Ваш грузовой расщепится, едва сойдя с конвейера, еска...

И в этом был прав Потер Джонсон. И литейная не возмужала против вихря слогов, ибо и сама литейная, как и другие детали, хотела, чтобы выкопанные машины бесперебойно ходили не только по заводскому двору, но и по всей стране.

Потер Джонсон был твердо уверен в грядущем воспрямлении литейной и готов был ставить доллар против мелкой пшеницы, что большевики не осм-

лят тайн качественного антия. Он весьма изумился, когда однажды утром ему преподнесли материал, в котором при всем желании невозможно было обнаружить даже и намека на порок. Материал полностью соответствовал стандарту.

Потер Джонсон был изумленным разговоров принался за работу. Некоторым из присутствующих показывалось, что он принался за работу даже с литувизмом. По крайней мере он был так ослеплен шумами и деталями, точно в его сознании произошла какой-то переман и сейчас он хотел заглядеть свое прошлое. Действительно через некоторое время Потер Джонсон сдал попутно, испорченную деталь. К концу дня их было 28.

Двадцать восемь! По сравнению с нулем это число бесконечно велико. Но если эту цифру прикинуть к заводскому заданию, она бесконечно мала. Американец ухмылялся: он дает все, что может.

Больше дать не в силах. Но ведь Потер Джонсон являлся монополистом по производству этой запорочной детали. Незавидная ждалась пустыгорная часть, предзнаменованная для заднего моста машины, начинала тормозить ход главного конвейера. Деталь в буквальном смысле слова рван из-под ступня.

Продукт заднего моста и связан с ростом программы выпуска автомашин ставновился все более и более crucialным местом на заводе. Немалую роль в этом деле играла соответствия «Потера Джонсона» — аушварь «Хиалда». Именно про эту пару говорили:

— Черти, а не станки!

И когда Кортинга вместе с комсомольской бригадой был брошен в пролет в пролет на детали заднего моста, на него был послан нашествие.

Две старые товари — алоди, достигшие сейчас самых предельных величин точного искусства, и те оставили брак на станке «Потер Джонсон» и «Хиалда». Куда же деться, плещи!

«Хиалда» шифрует 40, «Джонсон» дит 28. Переть — это — не только редкость, но и нежелательность труда, которую можно достигнуть при работе на этих станках. Да и те, если товари хороши. А что фирма там пишет в своем прекураторе, то чукажи — это не только редкость, но и нежелательность.

Кортинга, Оболоков, Ильячев, Степанов, Кураев, Малахов — все они были убеждены в проитном. Они ни на секунду не допускали и мысли, что кривую производительности станков неважно извешать.

1 января 1932 г. бригада приступила к работе. Ильяров был закончен посрамлением. Месячный производный выполнен всего лишь на 80 проц.

— Не чти годим!

— Засыпался!

— Вальдианы!

Смени, ковалости, шутки. Замыть? Возмущаться?

Смени отвечать аушварь? Какой проит! Буре гадания, правда, смирено, но эта смирность направлена толка против упорства «Потера Джонсона» и «Хиалда».

Каждый вечер, когда звуки сирены возвещают конец рабочего дня, люди остаются у станков. Изучают их искусство. Бегитот и авальдианы. Производственный контроль, эксперименты, опыты. Трудно, но так немалым опытом осво историю, как ребята гудят вечно кривую производительности труда. Частенько небольшой, являлось бы случайный, штрик адури завала каучу и попоманно замыка тех или иных вальди.

Сергей Оболоков стоял у шифановальной стивка «Хиалда». Каждые 10—15 секунд надо было выдвигать трансмиссию и измерять деталь. Многие части машин должны быть сработаны с точностью до одной сотой миллиметра. Миллиметр — его плавок винит глаз. Сотая — нет эрны, способного даже хотя бы почувствовать подобную меру. Мудрено ли, что на «Хиалде» ирландный брак и такая низкая производительность.

Оболоков и не пытался тривировать свой глаз. Нет, он став искать других путей, чтобы ловить в работе эту критическую сотую миллиметра. И вот он изобретает весьма изысканный прибор. Когда рассматривать его, удивляешься, почему ему конструктор «Хиалда» обошан эту пору идея.

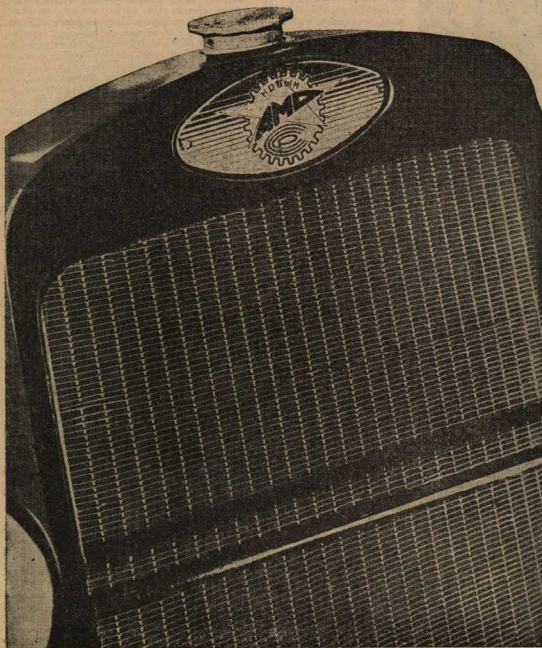
Сбоку у станка укреплен небольшой кусочек камаза. Оболоков берет новый шифановальный камень. Производит немую замоченную литуву, принаксясь счесть пальцем к поверхности камня, — бархат. Но вот он введен во внутрь детали, поворот ручки супорта. И бархат начинает выскыпать из станка искальды ивечи. Но в деле Оболоковому оставался мотор. Шпундет ламбром. Вот деталь зарывотна до нормы. Взгляд на диск одной из ручек супорта. Там стрелка уже указывает, на сколько делений за одну операцию сработал камень. Теперь можно установить в патроне новую деталь и шифановать ее, не выключая трансмиссии, шифановать ее до тех пор, пока стрелка не дойдет до засечки, показывающей норму выработки камня. Оболоков шифанует деталь за деталью. И каждый раз, когда он вытаскивает их из патрона, калибр неизменно подтверждает точность выработки.

«Хиалда» в руках Оболокова подвела своего производительность с 40 деталей до 50—60—70. Сейчас у него норма уже 98, а Сергей делает 120 и уверет, что догонит до 150.

Потер Джонсон тоже приближается к удвоенно своей первоначальной норме. В индивидуальном социалистическом договоре Кортинга со своим смонтином говорится, что он берет снизить брак с 1 до 0,8 проц. и поднять производительность труда с 47 до 50 деталей. Сейчас договор уже выполняется.

В январе 1931 г. комсомольская бригада встретилась с бригадой американски станков. Это была отнюдь не дружелюбная встреча. Всего год совместной работы — и как преобразились, отпущены. Если год с небольшой току ивечи «Потер Джонсон» и «Хиалда» были самыми основными тормозами лентя главного конвейера, то сегодня они требуют переключения его на более высокую скорость.

Талок монец истории укращения «Потера Джонсона» и его друга «Хиалда», первые истории возникновения дружба между авалатическими станками и русскими комсомольцами. Сегодня эти станки — лучшие удивники среди машин завода, а их хозяин — комсомольская бригада — лучший боец за высокую производительность и качество труда на заводе.

... чтобы выкопанные машины ходили по всей стране

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ В „СМЕНИ“

Собирается семья советских писателей. Одним из самых ярких фактов литературной действительности является обаяние новой творческой среды. Встречи квалифицированных писателей с молодежью вошли в систему работы молодых писательских коллективов. Мы неслучайно ставим перед собой задачу беседы писателя А. Н. Толстого с творческой коллекцией «Смены», развернувшейся после чехов писателям в первой части романа «Петр Первый». Мы не разделим отдаленных выводов и оценок А. Н. Толстого. Однако бесспорным фактом следует признать перестройку этого крупнейшего мастера слова, стремление его осмыслить исторические процессы с точки зрения революционного марксизма, чрезвычайный интерес и писательские методы Алексея Толстого и его владыки на равнине русского литературного языка.

Вопрос. У вас есть рассказ о Петре. Есть пьеса. Теперь написана роман. Что вас тянет к этой теме?

Ответ. Повесть о Петре I была написана в самом начале Февральской революции. Не помню, что было побуждением началом. Несомненно, что эта повесть написана под влиянием Мережковского. Это — слабая весть.

Началом впрочем была пьеса о Петре. Я тогда еще не понимал того, что понимаю теперь, в пьесе еще много романтизма. В ней не было настоящего изучения материала. Писатель расцвет вместе с эпохой. Каждая его новая вещь — это одновременно и его университет и продукт его роста.

Фото Мивидного

Алексей Толстой среди кружковцев «Смены»

Вопрос. Какими историческими документами вы пользовались при работе над романом «Петр I»?

Ответ. Что касается этой главы, она совершенно документальна. Письма Украинцева — подлинник. Здесь все исторически верно, вплоть до случая с менажи сутана, до продажи кофты московскому вице-адмиралу.

Керескинский поход, это — первая попытка реальной политики действия. Русские добились своего, турки не ожидали такой дерзости, такой энергии со стороны москвитин и подписали мир.

Моя задача не в том, чтобы излагать факты, а в том, чтобы вскрыть истинные причины фактов, — это гораздо интереснее.

Вопрос. Сколько всего книг в романе?

Ответ. Три книги. Первая книга второй части (1700—1718 гг.): короткий период торгового и промышленного капитализма, окончившийся дворянской контрреволюцией. Дворянство проникло во все государственное управление, весь государственный аппарат оказался у них в руках. Вторая книга второй части — борьба Петра с дворянской контрреволюцией, борьба, завершившаяся террором (процесс царевича Алексея).

Вопрос. Как вы создали характер Петра? Ведь исторические документы все-таки не дают возможности полностью представить себе характер, и вы как творец, вносите некоторый субъективный момент в покая характера. До какой степени этот субъективный момент играет роль, поскольку вы придерживаетесь документов?

Ответ. К каждому документу надо относиться критически, искать, где в нем правда, где ложь. Среди нас наверняка есть товарищи, которые работают над историей гражданской войны. Им знаете, какая воспоминаний очевидцев записывается много лет спустя, в них много неточности. Эту неправду нужно уловить, нужно выработать историческое чутье, которое несомненно равняется практикой.

Нужно собирать документы. Один из важнейших, это, несомненно, — письма. Вообще говоря, работа над документами — один из очень важных процессов в писательской деятельности. Действительно ли Петр сам работал на кораблестроении кузнецом и столяром, как об этом говорят старые учебники? Если мы разберем прохождение Петра, то увидим его отца Алексея Михайловича был очень бесцелен, любил солоноую кофту? Как же могла появиться такая гигантская фигура?

Вопрос. Я уверен, что Петр не сын Алексея Михайловича, а патриарха Никона. Никон был из уральской семьи, мордвин. В 20 лет он уже был священником, потом монахом, епископом и быстро дошел до этой аступени до патриарха. Он был честолюбив, умен, волевой, сильный тип.

Дед Петра, царь Михаил Фелорович, был дегенерат, царь Алексей Михайлович — человек неглубокий, но нерешительный, вялый, половичный. Ни внутреннего, ни внешнего сходства с Петром у него не нет. У меня есть маска Петра, выгнана художником Бенуа в кладовую Эрмитажа в 1911 г. Маска снята в 1718 г. Растрелли с живого Петра. В ней есть черты сходства с портретом Николая. Петр действительно мало знающий корабельным мастером, кузнецом, столяром и отличным резчиком. Он любил труд, мастерство и требовал этого от людей.

Вопрос. У вас в романе выделяется Петр. Он действует, как будто один берет все в свои руки. Сторонников у него нет. Как можно понять Петра с марксистской точки зрения?

Ответ. Становление личности в исторической эпохе — вещь очень сложная. Это — одна из задач моего романа. Личность Петра была вытолкнута на поверхность эпохой группой заводчиков и отчасти немецкой колонией в Москве. Личность Петра оказалась чрезвычайно и сама стала воздействовать на эпоху. Петр становится фактором прилипания действующей сна, становится по гамме классовый борьба между помещиким дворянством и нарождающимся буржуазией. Но фактом, повторю, не пассивным, а действительным, волевым. Эпохе нужен был человек, его искали, и он сам искал применения своим силам. Здесь была взаимозадействование. Конечно одно из ничего сделать не мог. Вокруг него накапливались силы. В тот час, когда он оказался вне классовый борьбы, он остался один и потерял их (это — содержание третьего тома).

Вопрос. Почему некоторые группы поддерживали Петра, в потом ушли от него?

Ответ. Его выдвинула буржуазия. С одной стороны, была большая антипатия дворянства. Европа смотрела на Россию как на рынок сырья. Россия была для Европы второй Индией. Когда началось строительство торгового капитализма на Западе, когда начали строить большие корабли, пошла буржуазия, торговля широкими слоями населения, шел, селитры. Это все можно было достать в России.

С другой стороны — русский дворянский аппарат и начавшийся промышленный капитал. Промышленный капитал возмущался расказармизмом. Раскол был экономическим движением. Многих могло сбивать такие факты, как самоослепления по 3 тысячи человек. Но вожаком-то ведь оставался царь.

ми. Снизилась масса. Вокруг раскола создавалась фанатическая атмосфера, практически нудная торгьюм закладкам.

Что представляла собой тогда торговля? Торговля на пространных от Старого Новгорода до Троице-Лавры, Байкала было трудно. Оборот торговля совершалась в два-три года. Нужим было много верение, нужна была суровая дисциплина. ... Привлекательнее всегда фанатизма, которые сиятаи, что за ушатую от хозяина копейку им бу дут вечно мучи. У раскольников была сильная и крепкая организация, они овладели тремя четвертями русского шашкала. Почти все северная промышленность создана раскольниками. Вещ Урал был в их руках. Часть раскола была за Петра, преимущественно промышленная группа, но торговый раскольничий капитал боролся с нововведениями, со всем новым со всем известным. Это считали Петра антихристом.

Все это — еще мало изученное, сложное историческое явление.

Вопрос. Может быть Петр совершил «заговор»? Ответ. Для того времени он совершил колоссальные заговоры. Его задачей была регламентация промышленности. Он хотел сделать нечто среднее между государственной промышленностью и частной. Но частная промышленность должна была быть подчиненной государственной и находиться под постоянным контролем и учетом государства.

Но например Петр наводит такой приказ: взять полатно в 10 вершков, а кто будет тянуть в 12 вершков, тому давать полати и считать на вешку, катуру. И вот начался кризис, потому что больше заводов не было, все производство полати было кустарным. В крестьянских избах стояли ставки определенного размера, которые тявали полати в 12 вершков. И тогда взяли полатно в 16 вершков, нужны большие станы, которые в избах не помещались. Кустари разорвались, и производ. сто полатно пало.

Вопрос. У вас каждый герой говорит своим языком, присутствуя только ему. Каким образом вы этого добились?

Ответ. Это — прототип драматургический ответ. Ведь я написал 22 пьесы и поставил из них 17. Каждый писателю натесяло пройти через драматургический опыт. Но что он дает? Навыки к слатым формам, а энергии действия, и диалогу и к психологическим борбам. В романе можно иногда отстаться безответственной работой, каким-нибудь описанием природы и пр. В пьесе явление. Здесь человек — единственный объект для писателя.

Нужно во всю силу ставить вопрос о языке. Я помню, когда я начал писать рассказы, я и не знал, куда по три и четыре раза переделывал их. И во время каждой переделки менялся язык. И вот я заддал себе вопрос, почему нужно фразу заменять, а не иначе, почему так расказывать слова, а не иначе? Каковы языки языка? Этого я и не знал, и не понимал. Вывалач, чтобы уничтожить эту текучесть, чтобы утвердить в себе язык, я подражал языку Гоголя г. Зургенцев. Сначала язык Зургенцев, а потом Гоголя. Я борал на слух. Если мой язык был близок к языку Гоголя, звучит хорошо. Но это было лало потому, что это было только подражанием, отстемом большого слова.

В 1917 г. я сделал одно исключение для себя: открытие. Я об этом много раз говорил и писал. Мне довелось прочесть книгу «Слово и дело» проф. Новомбергского. Это — судебные акты XVII в XVII в. Они писались таким образом: в приваение, а потом Гоголя. Я борал на слух. Если мой язык был близок к языку Гоголя, звучит хорошо. Но это было лало потому, что это было только подражанием, отстемом большого слова.

Записки такого рода покаяния — вещь очень ответственная. Даяки, записываемые покаяния, были лало учение. Они должны были в сложной форме наивать так, чтобы сохранить весь язык.

видуальный характер данного человека, точно и кратко записать его показания. Нужно было соблюдать святость, точность выражения, дать кратко и энергично фразы не на японском, но на японском языке. Эти записи — высоко художественные произведения. По ним мы можете изучать русский язык. Это — памятники настоящего народного языка литературы обработанного.

Вы пишете, как анализировать, как анализ составленной фразы. Они сами от себя. Представьте у вас имеется мысл, явление. После за мыслью и анализом является жест внутренний и внешний, вплоть до движения руки, мимики лица, выражения глаз, затем уже этот жест подтверждается словом. Слово завершает сложный процесс. Между мыслью и словом всегда находится жест.

Когда вы пишете, вы должны видеть предмет, о котором пишете, и видеть его в движении. О непонятных предметах лучше не писать. Опинаться улану или лодке. Что можно написать о лодке? Можно сказать о том, какого он цвета, сколько в нем людей и т. д. Но ра предмет в движении, то у него есть жест, есть устремление, есть цель. И вот, когда вы увидите предмет в движении, вы увидите глагол этого предмета.

Движение и его выражение — глагол — являются основой языка.

Найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе.

Литературным языком допетровской эпохи был церковнославянский. На нем писали духовные писатели и небольшие князечество светские. С Петра церковно-славянский язык умирает, так как вы нельзя было выразить все то новое, что пришло с новой эпохой: ни техника, ни науки, ни экономика и пр. Но откуда было взяться тогдашней литературе, французски? И вот стали брать немецкие, голландские, французские слова и обороты речи. Стали перенести на русский логичность придаточных предложений немецкого и французского языков.

Весь литературный язык XVIII в. был искусственным, не живым. В XIX в., несмотря на чистоту языка Пушкиным, несмотря на высоту, до которых поднимались иные писатели, все же литературный язык был в значительной степени теплым. Возьмите даже Л. Н. Толстого, как он борется за суровую точность языка, но иногда и он путается в сложных фразах.

А фраза русского языка — простая, короткая, энергичная. Чехов сказал: «Море было широкое».

Только что я прочел очень неплохую книгу Лебедево «Железы движения». Но в ней, особенно вначале, доминирует сложное многоподчиненное метафорич. Например: «Ветви или в поросе славянским знаком висели над водой».

Когда я пишу: «Н. Н. шел по пыльной дороге, вы видите пыльную дорогу, слышите стук колес, «Н. Н. шел по пыльной, как серый ковер, дороге», аше

Стрелцы бегут

Ассамблея

воображение должно представить пыльную дорогу и на нее нагромождать серый ковер. Представление из творчества. Не нужно так измывать воображение читателя. С метафорами нужно обращаться осторожно. Никаких сравнений, кроме сравнений, уславнований; например: «поверхность воды, блестящая, как зеркало». Для представления зеркала можно быть железом, измывающимся, ржавеющим, это уже рефлекс. Метафора верная усиливает баску, а если метафора является второй надстройкой, то это — ненужная вещь. Читатель не прочтет пассажи.

Вопрос. Вы говорите, что надо стремиться к простой речи, но ведь она может притеснять. Фразы надо улаживать и выдвигать.

Ответ. Я хочу сказать, что, вообще говоря, фразы с придаточными предложениями, канонический язык был перенесен искусственно с Запада. Язык должен быть живым, измывающимся, ржавеющим, это уже рефлекс. Метафора верная усиливает баску, а если метафора является второй надстройкой, то это — ненужная вещь. Читатель не прочтет пассажи.

Вопрос. Современный русский язык имеет много наложений. Например колхозник не говорит на народном языке, а на налох газетном языке. Есть много интерференционных влияний. Как надо лечить литературный язык в связи со всеми этими влияниями?

Ответ. Можно ли написать роман тем языком, каким говорят колхозники? Я отвечаю так: если вы будете хорошо владеть языком, знать его корни и основы и если вы вставите колхозника нарочно, говорить так, чтобы чувствовалось, что он говорит другим газетным языком, это хорошо, это искусство, но если написать роман газетным языком, извело думать, что язык вы приближаете к правде. Колхозник растет и учится, может быть, он, а у нас его несомненно, будет говорить не газетным, а настоящим, хорошим языком. И он скажет вам: «Зачем вы учили нас другим языку?»

Другое дело, если вы, скажем, пишете комедию и ваши персонажи говорят нарочно широким языком. Такой комедией вы нанесете удар по тем, кто не желает расти вместе с ростом культуры. Ведь язык растет вместе с культурой.

Как говорит т. Сталин? Он говорит простым, одному ему присутствующим языком. У него нет ни одной штампованной фразы. Его речь построена на точнейшем выражении мысли. Она слата, суха и энергична.

Вопрос. Вы говорили, что глагол придает главную роль в языке. Чем же знаменито богатейшее стихотворение Цема «Шопот, робкое дыхание»:

Ответ. Я эти стихи не люблю. Они sentimentalны. Это — упаднические стихи. Глаголом пропущены. Их надо в своем воображении воссозда-

вать. Ваше воображение подставляет бывалые глаголы. Если бы он назвал какой-нибудь глагол, необычайно точный, передающий почти истинный который бывает в июне перед грозой, если бы он употребил глагол, то запалом бы настоящей грозой.

Вопрос. Вы также говорили о запутанности некоторых фраз Толстого. Но у него ведь есть яркие фразы, в которых заключена большая мысль, например при описании бординского сражения.

Ответ. Толстой — гениальный писатель. Он достигает своей мысли своим языком, что глагол было, до чего вы его видите, но если Толстой пользуется в философии, то получается уже дурно. Это подтверждает то же: потому что Толстой пишет как чистый художник, он видит вещи своими глазами. Он до галлюцинации видит движение, места и находит соответствующие слова. Когда он пишет об отвлеченных вещах, он не видит, а думает. Но если бы он думал так, как думает т. Сталин, то наверно он не затруднился бы во фразе.

Вопрос. Как вы оцениваете язык Достоевского?

Ответ. У Достоевского язык очень прост. Он весь в диалоге. У него были ошибки, но в лучших вещах он подходит к языку чехов жести. Вот как Стенда Гроффичем из «Беса». Вы видите, как он говорит, как он двигается, как он останавливается, как он развешивает, это не написано. Это видно через жест. Вы видите людей, вы видите даже из цвет лица, потому что через каждую фразу сквозит жест. Достоевский видел людей, когда писал о них.

Я не хочу проповедывать короткую фразу, но фраза, идущая от жеста, не может быть длинной.

Однажды в Баллаке пришел приятель, постукал в дверь и усмехнулся, как Баллак с кем-то было скорится, кричит: «Мерзавец, я тебе покажу!». Приятель, открыл дверь, увидел, что Баллак в комнате один. Баллак кричал из одного из своих персонажей, которого не балачка в подлости. Баллак как галлюцинозирова. Так нарклом писателю надо видеть до галлюцинации, то о чем он пишет. Это свойство в себе нужно развивать.

Вопрос. Почему вы переносит стихов к прозе?

Ответ. Я начал писать стихи и никогда не преклонялся, что буду писать прозу. Я много раз пробаю, но ничего не выхожу. Это были попытки, скудные рассказы. Многие на них я даже не закончил.

Прошло два года. Я почувствовала противоречие. Смысл сказать, но это истинная правда: я всегда была толстым, здоровым человеком, а стихи писала медленно. Мне стало казаться, что это — мало поэтено звание: такому здоровому человеку пошла искать рифму. Это объясняется конечно тем, что у меня не было темперамента поэта. Я никогда не был поэтом. Я и сейчас пишу стихи служебные, например для оперы «Линия Анненкова».

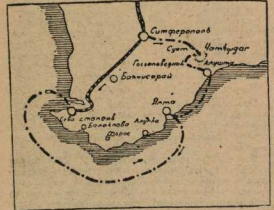
Петр допрашивает

КУДА ПОЕХАТЬ?

Оптимальные туристы, заслуженные чемпионы рюкзачка и альпенштока, уже давно корчат над географическими картами, где сушены линиями горизонтальной расчерченности простора СССР, и высматривают новый, оригинальный маршрут в удачном сочетании сосискиной дальности палочкам горных вершин, извистое течение рек, грандиозные контуры новостроек.

В гораздо более затрутенном положении находится турист-новичок. Отыскать и специальных знаний для организации самостоятельной туристической группы нехватает, а географическая карта пробуждает страстное, но невыполнимое желание в течение двухнедельного декретиного отпуска взобраться на вершину Эльбруса, ознакомиться с музеями и революционными памятниками Ленинграда, увидеть мощные турбины Днепротреста.

Здесь на помощь приходит оперативные маршруты ОПТЭ. Эти маршруты охватывают всю европейскую часть СССР, а также Алтай и Среднюю Азию, они различны по длительности, стоимости, и трудности. Продолжаясь от 5 до 24 дней (не считая проезда по железной дороге к исходной базе маршрута), они стоят от 55 до 350 рублей и могут быть по трудности разбиты на три категории.

Мурманский говынский маршрут

Комсомольские ячейки не должны забывать, что в наших условиях туризм имеет огромное политико-воспитательное значение. Рабочей молодежи надо помочь по-комсомольски организовать свою

Среди оперативных маршрутов ОПТЭ отметим прежде всего вновь введенный в этом году озерный валадский маршрут.

Он начинается в г. Валаде, расположенном недалеко от г. Вологоды, в центре валадской возвышенности на берегу Валадского озера.

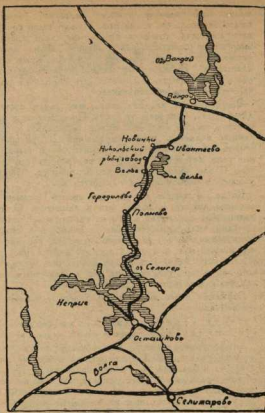
Туристы делают переход по живописным холмам и долинам до озера Велье. В легких байдарках а лодках пересекают оное озеро. Небольшой переход приводит их в с. Полюево, расположенное на северной оконечности озера Селатер. Это озеро имеет 70 км в длину и 5—7 в ширину, на нем расположено более 160 островов. Моторные лодки, раскрася озерную гладь, везут туристов на базу ОПТЭ в д. Негриве. Здесь в течение 5-6 дней туристы живут лагерной жизнью, забираясь на байдарках и лодках в заросшие камышом заводи и протоки огромного озера, знакомясь с работой и бытом рыбацких колхозов. Маршрут кончается в Осташкове. Валадский маршрут удобно сочетать с осмотром Москвы или Ленинграда.

Очень интересен, разнообразен и сдержан латвийский карело-хибингорский маршрут. Он начинается в Ленинграде. Город Ленин, город революционного пролетариата, первый поднявший знамя Октябрьского восстания, развернувший перед туристом стройные перспективы своих проспектов, величавую ширь Невы, ослепительный гранитом набережных. Турист изучает памятник императорской эпохи, превращенные в музей (Петропавловская крепость, Исаевский собор), революционные памятники, знакомится с огромным культурным строительством рабочих окраин, с промышленными гигантами, сумевшими вложить свое имя в историю революционного движения (Путиловский завод и др.), посетит морской порт.

После Ленинграда—Петрозаводск, столица Карелии. Морская ширь Онежского озера, водопад Кивач, лучшая в СССР льняная фабрика, Колодозская бумажная фабрика. В петрозаводском краеведческом и промышленно-экономическом музее подробно бытовое природное и экономическое своеобразие дальнего Карельского края.

Из Петрозаводска маршрут ведет дальше к Северу, за Полярный круг. Голубые озера в зеленном обрамлении лесов и суровой гранит скал, видны из окон вагона, солнце, неуклонидеющее солнце полярного дня, светит круглые сутки.

По специальной ветке со станции Анаитты туристы проникают в самую сердце Хибиинского горного массива; и здесь раскрывается перед ними социалистический

Северный валадский маршрут

стический город Хибиингорск, выросший в течение трех лет в почти необитаемых полярных горных дельтах, на местах богатейших в мире вальито-вердловских месторождений.

Туристы осматривают живописно расположенные в обрывистых ущельях рудники, обогатительную фабрику, вырабатывающую фосфорнокислые удобрения, электростанцию, приполярный совхоз «Хибиингорск».

Из Хибиингорска маршрут ведет в Мурманск, незамерзающий северный порт, раскинувшийся в империате гор в гавани Кольского залива.

В порту—строгий лес мачт. Парусные боты рыбацких флотилий, высокие борты иностранных эскадров, пришедших сюда за аланитами, рыбой, лесом, хлебом, «вороний гнезда» на мачтах ледаколов, вернувшись из далеких и трудных плаваний в Беринговом море.

Мурманск—преддверие Арктики. Суровые фьорды мурманского берега, басмские, испорченные нежные оттенки мурманского неба—это уже дальние отблески величайшей красоты полярных арктических Экскурсии на моторных ботах знакомят туристов с пользующейся мировой известностью Александровской биологической станцией и песчаными заповедниками на острове Каланди, расположенном уже в Баренцовом море.

Несколько оперативных маршрутов предложено по Кавказу. Осетинскими в бабкоро-сванетском.

Он начинается в Нальчике, административном центре Кабардино-Балкарской автономной области. Здесь в ленинском учебном городке и пригородов туристы знакомятся с социалистическим строительством в ранне отсталом национальном районе.

Уже из Нальчика видны горы. С запада на темном южном небе снежные вершины чертят причудливую линию. Автобус мчит туристкам навстречу горам. Дорога вьется по отлогим холмам предгорья, впадает в долину Баксана. Пеннаяся горная река бурлит в ущельи. Лента дороги поднимается все выше. Темные густые заросли хвойного леса перерывают отвесные скалы ущелья.

Через 140 км—Тегенгели, расположенный на высоте 1300 м. в предгорьях Эльбруса. Из Тегенгели начинается пешеходная скал пути. 15 км под сема приводит к кругозору на южном контрфорсе (выступе) Эльбруса на высоте 1200 м. Отсюда открываются вид на главный хребет. Уникальные облака, одна за другой уходят к юго-западу крутые снежные вершины, стекают по ледяным сверкающим ледяные реки глетчеров, чернеют скалы высоких обрывов.

Туристы поднимаются к огромному леднику Алау, известному своим ледопадом.

В солнечную погоду с верхней части ледника часто срываются огромные ледяные тамбы.

С ледника Алау туристы спускаются вниз и троп, ведущей на Донгуз-Оружский перевал. С рек-

Морская ширь Онежского озера

закнами за сплнн, с альпенштоками в руках пропнвают туристы в царство горных вершин.

На высоте 3.200 м. на леднике Донгуз-Оулу, возмывающемся слева на 450 м. перевала, граница Балкарии и Сванетии. Спуск с южной платанке, расположенной в густых лесных зарослях а долину реки Налази, приводит в гору страну Сванетии, лежащую в самом сердце Кавказа.

Еще несколько лет тому назад Сванетия была своеобразным, отрезанным от остального мира утлом средневековья. Феодальная власть князей, междоусобные родовые распри, заикальность лежидни — таковы были быт этой страны. Он запечатлен в сабах с своеобразной архитектурой сванских жилищ, напомииающих каменные крепостные башни. Сейчас в этих башнях, где сванские роды отсиживались от нападений врагов, помещаются аудальные партийные и советские организации, школы, кооперативы, правления колхозов.

Маршрут ведет в селение Бечо, затем через перевал Бал в Местию, административный центр Сванетии. Страна разветвляется горнодолина павором Главного хребта, Тетруаль, Гисгола, Умба возмывает на 5 тыс. м. свои снежные вершины.

Переходы по горным тропам, переправы через бурные реки, ночевки в палатках у костров. Проледела Верхняя Сванетия. Туристы поднимаются на Лентехский перевал. Последний раз оглядывают они взглядом строй снежных гигантов и спускаются в Лентехи, а Нижнюю Сванетию.

Из Лентехи тропа выводит на Военно-Осетинскую дорогу в Орбелы. Оттуда для лесных туристов добываются до Кутанса, одного из крутих центров Грузии. Здесь Рион несет свои мутные воды к плотинам Рионгаса, здесь растут промышленные предприятия, новостройки.

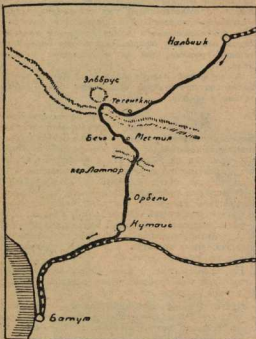
Маршрут кончается на базе ОПТЭ в Бетуме. В советских субтропиках, на поросшем пальмами берегу Черного моря отдыхают туристы после трудных горных переходов.

И крмских маршрутов оставшимся на горном. Он начинается в Симферопле осмотром музеев и консервных заводов. Затем туристы пересекают внутреннюю часть полуострова в лесистых дорогах выходят к крупным скальным самой высокой вершине Крыма — Чатыр-Дагу (1.423 м.). Густыми сосновыми и букowymi лесами поднимаются туристы на Чатыр-Даг. Оттуда вид на южный берег. В легкой дымке тумана уходят в горизонту темная лагуна Черного моря; как стлечи гнезда, лежат на прибрежных скалах таргарище дуросты, белуют легкими стройными селения и курорты.

С Чатыр-Дага туристы спускаются к б. Козьмо-Димитровскому монастырю, расположенному в горном ущелье, поросшем сосновым и букowym лесом. В монастыре расположено управление государственного заповедника. 18 километров горной дороги приводит туристов к Алуште, расположенной на южном берегу.

Охота в лесах Хибинского массива

Бакхарь-Сванетийский маршрут

Три дня отдыха на базе ОПТЭ. Три дня, отдыхая оладу и море.

Из Алушты автобус несет туристов в Ялту, развлекательный городок Крыма.

Из Ялты маршрут ведет в Алушту.

Десятки бывших царских, великокняжеских и просто княжеских дворцов разбросаны здесь в виноградниках и кипарисовых парках. Диванджи, Ореанда, Ай-Топор, Гаспра, Хараке, Дольберг, Кичкин... И в этих дворцах десятки тысяч рабочих и колхозников проводят свой отпуск, гуляют по аллеям, огражденным высокими чугунными решотками и покрытым галькой палками.

Севастополь — стоянка нашего черноморского флота — заканчивает маршрут.

С Днепровским комбинатом, величайшим строительством лихнати, закончит два маршрута: днепровский северный и днепровский южный. Остановимся на первом.

Маршрут начинается в Киеве, одного из крупнейших и старейших городов юга европейской части Союза, богатого историческими памятниками, с хорошо развитой видовой промышленностью.

Из Киева туристы направляются вниз по Днепру в г. Канев, где посещают могилу великого украинского поэта Тараса Шевченко, а затем пароходом же — Днепровстроя. После осмотра крупных заводов парола туристы спускаются дальше по Днепру к Днепровску. Этот участок Днепра был раньше из-за порогов непроходимым. Осмотром величайшей в мире гидроэнергострострострости и промывающих промышленных предприятий заканчивается маршрут.

Туристы, нуждающиеся в спокойном отдыхе, оставают свой выбор на одном из великих маршрутов, например на пароходном маршруте Горький (б. Нижней-Новгород) — Астрахань — Саратов.

Туристы знакомятся с промышленными гигантами г. Горького (автомобил им. Малостов, «Кавказское Сормово» и др.), с колесными и мелковыми фабриками и историческими памятниками столицей Татарстублинии — Казани, с Самарой, Саратовом, Сталинградом, с рыбными промыслами Астрахани.

Из Астрахани паролод возвращаются в Саратов — конечный путь маршрута.

Цифровая характеристика описанных маршрутов следующая:

Название	Длительность	Стоимость	Категория (трудность)
Владивский	12	125	III
Барьер-Хибинского	15	150*	III
Барьер-Самарский	74	350	II
Комский горный	12	150	II
Днепровстроя	12	145	III
Волжский	14	200—250	III

ЕЩЕ О ТАНЦАХ *

Зал безукоризненно крив. Пол идет и глянцевый арок. Гробов, отдален на живыми предметами, похода на клубу. В середине слышится медленный бумек духового оркестра. На столах стоят лампы в шелочевых абажурах. Если не танцовать, а оперируешь локтями на перилах гробов, смотришь вниз — вроде бы дающего сложения кажется очень красивым.

Открытие при Соколинском парке культуры и отдыха специального танцевального зала — это событие. Если предположить самые лютые оркестры турмури. Они говорят, что открыть можно, но чтобы танец был поучительным, имел воспитательный характер, преследовал целебные цели, отражал а себе размах новостроек и в основе был построен на строжайших категориях диалектического материализма.

С продолжением этих товарищеских все соглашались, но когда захотел конкретизировать, то увидели, что здесь что-то не клеится. Во-первых, нет полковой музыки. Можно было бы конечно музыку заказать, но на пани живущих композиторов оркестр знает только троиц: Давиденко, Ковалев, Чербердия. Да и то думали, что это — все одно и то же, как Курьянински, и потом неизвестно, что они пишут — музыку и песням или песни и музыку. Остаток же иранку нужно оформлять в различные танцевальные формы. Для этого нужен хороший балетмейстер. Конечно хорошего человека среди балетмейстеров найти можно, но о диалектическом материализме он знает, вероятно, очень мало.

Вторые ораторы говорили, немного знаешь и красивое. Они настаивали что-то неинтересно, неинтересно, радельное. Что немало, дескать, использовать лучшие элементы западных танцев. Предложение вторых ораторов было также отвергнуто, так как никто не мог сказать, что же в этих танцах лучше и что худшее.

В то время как ораторы горячились и требовали бесполодного отпора лэгибистам, икскавистам, урощадам, уауагариаторам, разнузданная форточница пластовая на домашних вечеринках.

Потом потанцевать можно выступить только с оружием нового танца. Не вот как раз других-то танцев у нас пока нет. Наши массовые новые танцы в подавляющей большинстве построены на типичной музыкальной и пластиче-

* В порядке обсуждения.

Кости даже по улице стал ходить чарльстоном

ской основе, физкультурный танец лучше, но гимнастикой и нем инакшью преобладает над пластичной, что в танце нет увлекательности, слышания движения и музыки.

И вот пришлось с криканием и тоской (пусто это будет самым истинным показателем) искать композитора и балетмейстера!) выглядишь пронаблюдательных старух в кривопах, с рюшами, бантами, и старух в изотергах гвардейских мушкетеров, в оторванных ботфортах со звездами шпорок — с балетом, основанном на аскашном ашара. Пыль, прах, дремноты! И всю эту аустеритасму пришлось выпустить в советский танцевальный зал.

И вот, знаете, очень обидно видеть: парень, комсомолец, вуююк танцует с девушкой, выходящая перед ней на колено, она обегает вокруг, безнадёжно улыбается, но обидный мотив застывает его взрослым, они вскакивают и снова несутся вперед, прыгают и раскачиваются, как средниеклассные привоночки.

Что бы мы сказали, если бы этот самый вуююк подошел в первый раз к девушке и студентке и сказал: «Студярия, и система была бы, распростережи и ашух вот, моимт нас о ашара и вынимай». Мы сказали бы: «Челука, парень буйзит. Но вот на цыпочках напущенным и медлительным движением с хвастливой вырочной гримасой динисея востража по колышек ашара по танцевать. Можно быть это релентия киностютистов для массовой сценки в гостини какого-нибудь из Лодовиков». Да нет же, это танцзав Соколинского парка, куда собралась наша молодежь потанцовать.

Почему же должны повторять ашаретские, пригрозно утильные движения гвардейцев, приходящие мичемскими шпорами? Зачем! Разве нельзя было бы извратить из мушкетер это фатоватое и утилитарное коллоидное движение и широким летучим без мушкетер? Ведь можно было бы Коренной гимн реконструкции можно подвергнуть некие танцы, в том числе и ашарские. Умертвив вышибы, пошатывая, аргумент, можно добиться неслучайно, ашаретский. Гигуно можно отделиться от танцобозония и привлечь на помощь квалифицированных работников искусства.

Рабочая молодежь танцует старые танцы потому, что нет новых, но танцевать не так, как раньше. Халатное отношение вальса привело более живо, бодрое выражение, но колени перед дамой работа становится уже неслучайно ирреальным, приходящими шпорами. Это значит, что в отношении танцевальности и условности. Можно указать много моментов в танце, худости и инертности которых давно почувствовали танцующие, и стали преодолеть их вращением над ними или новыми фигурами. Но как их исправить, вместо того чтобы использовать и направить по руску правильного развития импровизации и изобретательство танцующих, руководство танцзала протестует против этого. Боясь даже тогда фокстрот, оно не терпит отступления от неизменяемых танцевальных форм. Почему же кажется, что танцевальная импровизация должна обязательно принять форму фокстрота? Это может происходить только при паломом самозащиты в работе танцзала.

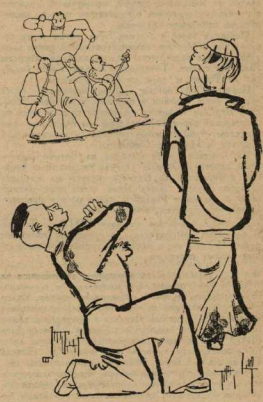
В переизде между танцзала делались до сих пор докладом о яшарском пленуме ЦК, о собраниях в Германии и т. д. Яшарский пленум, события в Германии — это все история огромнейшей важности. Мало-малышки полковничий человек, грядя в танцзала, больше знает, чем то, что ему снится до этого вопросу рассказать там в течение 10 минут. А если не знает, то едва ли он будет что-нибудь сказать после этого доклада, так как танцевальная обстановка и настроение, с каким он сюда явился, и в коем случае не рассматривает а слушанию докладом.

В танце им бродили, как в потопе. От замкнувшись давно пора перейти и созданию своих новых, оригинальных танцев, что сделано для этого Соколинским?

Ни одной беседы по истории танцев, ни одной беседы по диалектическому фокстроту лэгибам.

Открытым курсом по изучению танцев при танцзале, надо объяснить ребятам, в силу каких условий порожден тот или иной танец, каково его содержание. Отсюда, из правильного понимания содержания танца будет развиваться изобретательство новых танцев. Но администрация школ этого не предусматривает. Ни одного часа на теорию танца! Незнание, коммерческий ли тут расчет или просто несообразительность.

Должал в стенах танцзала а пленуму служить цитом против обследователя: «Что вы, товарищи, как мы не удалим внимания воспитанию, мы вот какие важные вопросы прорабатываем». Получается так, что за танцы отвечают все, кто угодно, в администрации танцзала берет на себя ответственность за проработку яшарского пленума.

Она обегает вокруг, безнадёжно улыбается...

Что должна представлять собой встрада танцевала? Здесь помимо теоретических бесед по изучению истории танца, по шпору, пластичности и т. д. должны быть показаны образцы исполнения лучших танцев и наиболее удачных опытов изобретательства. Здесь в форме шпора могут также использоваться методные танцы. Кстати не нужно забывать о существующем уже сейчас на встраде «любимом» доказательстве простоты фокстрота. Это его исполнение в любых шпрехом виде. На самом деле танц оформляется в еще более уауагарном гротеске, чем он исполняется на самом деле.

А яшарский пленум прорабатывают в другой, более соответствующей обстановке, более основательно и крепко.

Жаль только, что мы не видели Кости дозвонив предстала новая брочка. Брочка Кости неизгортимо на земле. Он остритая, как сабля, складывая можно разуборить любое соединение в вальцах Кости. Здесь в танцзале Смеричном образе восточном признании. Всем своим существом в респонсим, как хвост павлина, густокотом Кости предлажа волнующей танцевальной страсти. Танцующая, танцовать, танцовать! Кости даже по улице стал ходить чарльстоном, с ашарами, подлащив поауа, ногу отбавить, а с одной конечностью маявно уш танцам — жить!

На произношение и дома Кости мог говорить страстно и вдохновенно только о танцах. Остальные темы ледяным его сухими.

Кости конечно самый постоянный посетитель танцзала. Танцевальная манера гунбально действовала не только на его голову, но и на его станок.

Мы хотим, чтобы человек, изучивший все тонкости танцевального искусства в танцзале, не обогрелась там всегда, предаваясь пошлостям в балетном заведении, а шпору и себе а клуб и немоса там наиважней несамый досуд молодежи. Танцы, освещенные новыми исполнителями, являются боевую клубную работу.

Мы аш танцам, но без Смеричным. За танцы здорового ушрениого звучания.

СМЕНИТЬ ПЛАСТИНКИ!

Песни, крупные политические деятели и поэты, музыканты и эстрадные артисты сюда, чтобы записать на диск или на вокальный пластинок, стихи, музыку, мономоти.

И тут, в кабинетах записи грампластинок, перед микрофонами льются звуки прекрасных арий на классических операх, народных песен всех национальностей СССР, произносятся доклады и страстные речи, декламируются стихи и поэмы, исполняются симфонии и различные музыкальные произведения, раздаются веселые частушки и эстрадные фельетоны.

Чутью «то» микрофон улавливает все звуки с максимальными показателями тона и инструмента, передавая их по проводам в соседнюю с кабинетом аппаратуру, где на станке Неймана и производится сама запись воском.

На оконный аппарат художественный руководитель внимательно следит за исполнением. Через динамический репродуктор, находящийся здесь же, он слышит все исполняемое и в случае надобности регулирует звуки, поступающие на усилитель с микрофона. Иногда приходится ослу и ту же запись производить на различные воски по несколько раз, прежде чем будут достигнуты требуемые звучание и четкость.

Из кабинета записи записываемые воски отвозятся на грампластиночную фабрику и проходят специальную обработку. После этого с них снимаются металлические матрицы, с которых затем и производится печатание грампластинок.

До империалистической войны в России существовало 6 грампластиночных фабрик, выпускавших на рынок 18 млн. пластинок в год. Небольшое количество пластинок импортировалось из Германии и Франции. Российским рынком ежегодно поглощалось около 20 млн. пластинок.

А сейчас у нас имеется единственная в СССР грампластиночная фабрика, производящая ежегодно лишь около 2 млн. пластинок. Для страны советской с непрерывно возрастающими культурными запросами трудящихся этого чрезвычайно недостаточно.

Спрос на пластинки в количественном отношении эта фабрика удовлетворяет всего лишь на 15—20 проц.

Берине пластинки выпускаются в колодах, на пластинках и в титановых рабочих и клубы массовых заочальных школ. Здесь и речи крушение деятелей СССР, оперные арии, напевы лучшими певцами, музыкальные произведения, исполненные первоклассными оркестрами, эстрадные мономоти, частушки, танцы и т. д.

Продуктивность «испанию» каждой пластины рассчитана примерно на 250 исполнений. И если взять даже те 2 млн. пластинок, которые выпускаются в час, и помножить их на количество исполнений в них исполнений, то и тогда получится внушительная цифра в 500 млн. «выступлений».

Эта цифра красноречивее всего иллюстрирует возможность граммофона и во много раз превышает огромный количество песен и музыкальных произведений, исполняемых с эстрадных площадок. Но попробуйте достать в музыкальных магазинах пластинок с поразившими вас оперными ариями, песнями, частушками! Попробуйте по записке книги, изы-италиям, красного уголка и т. п. подобрать нужные для массовой работы с молодежью хоревые номера или танцы! Ничего подобного в магазинах не имеется.

Ассортимент выпускаемых пластинок настолько убог, что не может удовлетворить самых скромных запросов трудящихся. И это — в то время, когда каталоги Грампластиночного треста содержат огромное количество названий разнообразнейших пластинок, тщательно разнесенных по различным отделам.

Правда, Алферьевская фабрика систематически не выполняет своего производственного плана. Но это еще не объясняет удивительной скудости и однообразия ассортимента. Больше того, в архивах фабрики имеется несколько тысяч матриц исполнимых произведений, записанных еще до революции. К тому же и в кабинетах записки издавна записывались довольно много хороших вещей, аккуратно отправляя на фабрику воски.

Казалось бы, чего просить: бери матрицы и штампуй новые пластинки, благо есть из чего выбирать. Однако выпуск продукции с этих матриц очевидно идет самовольно, без всякого учета спроса потребителей.

Чем иным можно объяснить, что в разных городах музыкальные склады, заваленные песнями и частушками СССР, а в других вам услужливо предлагают старые софодифонные марки.

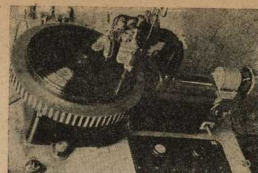
И правда, как правило, в магазинах нет пластинок с наиболее популярными ариями и музыкальными номерами, с любимыми песнями и частушками.

Молодцы хотят повеселиться, потанцевать и в клубе и на домашней вечеринке. Новых танцев сейчас еще почти не создано, но зато в проламе нет и старых: вальсов, вентерок, полки, маршук. Вот и спрашивается: под какую же музыку танцевать?

Да и как можно было ожидать появления в магазинах разнообразного ассортимента пластинок, когда запись воском производилась совершенно внаслепую, без всякой технической и культурной установки, без учета политической и культурной роли грампластины.

Потому и получилось, что большинство разделов плана (кстати сказать, за 1932 г. выполняющего не больше, чем на 20 проц.) не реализовано вследствие их полной неконкретности. В первую очередь это относится к политическому отделу (речи вождей, политические выступления, т. д.), в котором лишь были перечислены фамилии ряда крупных работников, но достоверности с ними не было.

Не лучше обстояло дело и по другим разделам. В музыкальном отделе основной упор был сделан на запись русской музыки, но и то композиторов не первоначальному количеству. А западная музыка представляла явно недоста-

Л. С. Станок Неймана производит запись на воско

точно. Незначительное количество номеров было отведено для записи советских композиторов и нового молодого и совершенно отсутствовали современные западные композиторы.

Случайный характер воска и этнографический раздел, плав которого абсолютно не был увязан с Наркормпросом, национальными республиками. И в результате зачастую подбирались песни, недостаточно ценные, а иногда вследствие неизвестности работников кабинета с песнями различных народностей и просто вредные. А запись революционных песен и танцев на национальных языках и вовсе отсутствовала.

Без учета в складывании к так называемому «легкому жанру», Грампластиночный отдел пренебрежительно относился к характеру вроде пресловутого «яко культурных песен» — «Трактористов», «Марши ударников» и т. д.

А высокохудожественные произведения крупных современных западных композиторов Курта Вейла, Киселья, Рахеля, многих советских — А. Шостаковича, А. Шнитке, Покренички и других не записывались, вероятно, только потому, что они вошли в страшные навазники... фокстроты.

Звуки, поступающие в микрофон на усилитель, тщательно регулируются

Таким же ничем не оправданным подходом практиковались и в отношении множества арий и танцев на классических операх и комедий, но сути дела принадлежало к сокращению музыкального наследия. Очень мелодичные, легко запоминающиеся, искристые веселые и лозные зареку бодрости, эти произведения не записывались только лишь из-за их «летковидности».

Получалось и так, что целый ряд художественно ценных произведений выпускался в количестве каких-нибудь 500 пластинок, могущих быть распределенными даже в одном магазине в несколько часов. А пластинки сентиментального качества, пошедшие десятисычными тиражами и затем платно оседли на полках магазинов.

Все еще сильно кромет и качество этих пластинок. Шум, хрипящие звуки, какой-то шаржажно нередко сопутствуют певцам и музыкантам при воспроизведении многих пластинок на грампластинках. Здесь оказывалось и все еще недостаточно высокое качество «налова» (записки) воском, неумение составить соответствующую шпальную массу, из которой делаются пластинки, и старое, изношенное оборудование фабрики.

Весь примы-так не верить, что на Алферьевской фабрике состав шпальной массы определялся мастером на-глазок, ее температура нередко измерялась... пальцем и т. д. И это в то время, когда на фабрике имеется лаборатория, призванная производить качественнейшие пластинки, владеющая способами замына дорогостоящего импортного шпальки собственным недефицитным сырьем и т. п.

... Почему не послушать Шостаковича?

Полетъ въ СТРАТОСФЕРУ

Стратосферой называют слой воздуха, расположенный выше той мысленной линии, где постепенное понижение температуры воздуха с высотой прекращается. Достигнув 54° холода по Цельсию, температура делается постоянной, по крайней мере для тех высот, где человеку удалось измерить ее термометром, — именно до 38 км над уровнем моря, а вероятно и далее. Эта линия, т. е. начало стратосферы, лежит в нашем умеренном поясе на высоте около 12 км, над экватором несколько выше, а в Арктике на высоте 10 км. Слой воздуха, лежащий между стратосферой и поверхностью земли, называется тропосферой.

Ввиду постоянства температуры в стратосфере не бывает бурь, воздушные течения отличаются исключительной ровностью, а вследствие ничтожного содержания в воздухе стратосферы водяных паров там вечно безоблачно небо, не бывает никаких осадков (дождя, снега) и туманов. С этой точки зрения воздушный океан представляет там наилучшие условия для аэронавигации. Еще одно чрезвычайно важное явление наблюдаем мы в стратосфере — это чрезвычайную разреженность воздуха, которая возрастает до величайших пределов с вышением совершенно изменяется самый состав атмосферного воздуха: из него совершенно исчезают азот и кислород, атмосфера состоит сначала из смеси водорода и гелия (легких газов), а у пределов безвоздушного пространства в составе ее остаются лишь водород — легчайший из газов. На высоте 38 км (это — максимальная высота, до которой поднимаются баллоны зонты с самонадувающим прибором) вес 1 куб. м. воздуха равняется всего 0,07 кг, другими словами, плотность воздуха на этой высоте в 184 раза меньше, чем над уровнем моря.

Для аэронавигации, т. е. в искусстве вождения воздушных судов, условия полетов в стратосфере исключительно благоприятны. Пилот воздушного судна, не явля в стратосфере ни бурь, ни туманов, ни осадков, ни даже облачности, может математически точно ориентироваться и направлять свой полет по системам. Кроме того, что особенно важно, в стратосфере ничтожной

плотности воздуха в стратосфере и сильного уменьшения его сопротивления летательный аппарат может развивать несравненно на величину скорости в 1.000—1.200 км в час и более, чем в воздушном пространстве у поверхности земли он достигает лишь 250—300 км в час. Такая скорость летательного аппарата, при том на огромной высоте, делает его совершенно недостижимым для артиллерийского огня.

Преимущества стратегической высоты, как называют теперь воздушные сообщения на больших высотах, совершенно ясны и особенно важны для военных целей.

Но на сегодняшний день техника еще не добилась практического осуществления этих сверхзвуковых полетов. Она только приближается к их осуществлению путем строительства все новых и новых, с каждым разом более совершенных опытных летательных аппаратов: вертолетов, самолетов, ракет и ракетоланов, качество полетов которых — высота, скорость и т. д. — все увеличивается. Напряженная работа научных исследователей, техников и изобретателей в этой области встречает однако при практическом осуществлении полетов в стратосфере ряд затруднений.

Действие разреженной атмосферы на организм человека губительно. Поэтому совершение необходимо изолировать от нее человека в герметически закрытом помещении с воздулонепроницаемыми стенками, в котором аналогично тому, как это делается в подводных лодках, искусственно поддерживается необходимая для организма температура воздушного корабля впервые было вполне удачно осуществлено профессором Вильямом Швейцаром в 1901 г. для сферического аэростата объемом 4.000 м³. В 1906 г. для высотных же самолетов Юнкерса, Фармана и других оно также осуществлено, но не опробовано еще в высотных полетах и находится в состоянии подготовки опыта.

Другим важным затруднением для проникновения в стратосферу летательных аппаратов, снабженных двигателями, является то обстоятельство, что

разреженность воздуха снижает с высотой мощность обмывного авиационного мотора. На известной высоте мотор летательного аппарата перестает работать, так как карбюратор мотора не засасывает достаточного количества воздуха, необходимого для интенсивного сгорания горючего, на котором двигатель мотора работает. Для предотвращения этого существуют специальные устройства в воздухе — например типа турбокомпрессоров, с помощью которых и достигаются рекордные высоты полета на самолетах до 13.000 м, т. е. до предела стратосферы. Но недостатком этих турбокомпрессоров до настоящего времени является требующаяся для обслуживания большая мощность мотора, из-за большой вес, сложность конструкции и недостаточная еще надежность вследствие огромных скоростей вращения некоторых их частей. Эта сторона полета представляет в настоящее время главнейшее затруднение для осуществления стратосферных полетов на самолетах.

Наконец необходимо также считать с физиологически вредным действием на человека не только низкой температуры, но также и недостаточности до 0,4% кислорода, но с вредным действием

Распределительная доска в аппаратуре

● Не лучше поладение и с граммфономиз-

У нас уже почти все отказались от производства старых, достаточно совершенствованных кристичных граммфонов с рупорами.

На нашей Ленинградской государственной граммфоновой фабрике и на Гатчинской промпромпартильной выпускаются в виду известные, но по качеству все еще недостаточно удовлетворительные безруберные пластинки в виде коммодонов. У них часто лопаются пружины, изнашиваются различные детали и т. д. И все-таки что может быть удобнее для перевозок или перевозки этих удобных механических пластинок, винтичек, учетных инструментов, коммодонов, оркестров?

Но дело в том, что и их выпускается очень мало. Как пластинчатая фабрика, так Ленинградская граммфоновая работают на риж вое плочку и не много процентов не используют свои планы.

Директоры на них меняются, как... граммфоновые атомы, там прощаются обещания, текучесть персонала.

И вот следствие. В недостаточном количестве выпускаемые граммфоновые коммодоны краснеются в наших необоритой стране, и найти их где-нибудь на периферии весьма затруднительно.

И сейчас уже существует огромная диспропорция между спросом трудящихся на граммфоновые и пластинчатые коммодоны и их выпуска.

Граммфоновые-пластинчатый трест уже давно собирается начать реконструкцию и расширение своих граммфоновой и пластинчатой фабрик, но все это еще пока не идет дальше предельной и декларативной.

И надо прямо сказать, что значительная доля вина за безобразное качество продукции на граммфоновой и пластинчатой фабриках лежит на коммодонахских организациях этих предприятий.

Например на Андреевской фабрике администрация и фабрик полагают, что брак в меньшинстве условий качества неизбежен. И коллектив коммодона не ударила палкой о плечи, чтобы разработать эту высокую оперативную «теорию». Вообще только полным игнорированием вопросов производства можно объяснить, что коммодона фабрики не пытаются предпринять какие-либо меры для поднятия ряда производственных планов на фабрике. Коммодона, даже не мог заняться такими примитивными делами, как поддержание чистоты в цехах, и цехи буквально утопали в грязи.

Нечего и говорить, что коммодона не боролась за выпуск равнообразной по репутации продукции, оставаясь пассивным содержанием того, как штамповала пластинки низкого качества и такого ее содержания.

Такое же положение существовало и на Ленинградской граммфоновой фабрике.

Независимо роль играли местные районные комитеты комсомола, не уделявшие никакого внимания вопросам производства граммфоновой и пластинчатой.

Объяснение т. Косарева о выпуске пластинок и граммфонов хорошего качества, высказанное им ровню год тому назад на VII всесоюзной конференции комсомола, как видно, не усвоено этими комсомольскими организациями.

Прошел год, и сейчас мы врываемся к ответу руководству и комсомолу граммфоновой и пластинчатой фабрик. Затруднения в производстве отрасли кулуарно провозглашались, давая быть анархической и кричащей срок. У нас жалко было хорошие по качеству граммфоновые и пластинчатые пластины.

Самолет с ракетными двигателями — ракетолан — для воздушного сообщения в пределах стратосферы

огромных усердий, испытываемых человеком при полетах на стратоланах, как изменяются теперь специальные самолеты для полета в пределах стратосферы.

Металлические аппараты, развивая огромную скорость, не в состоянии улавливать на атмосферное достаточное количество кислорода. Так же обстоит дело, если они поднимаются за пределы земной атмосферы, в безвоздушное пространство. Таким образом они испытывают еще сплавочное, крайне серьезное затруднение технического порядка — именно необходимость брать с собой в специальные резервуары помимо горючего также соответствующее количество кислорода для его сгорания. Это чрезвычайно повышает полетную нагрузку такого металлического аппарата и, несмотря на огромную достигаемую им скорость полета, ставит существенные границы его применению.

Несмотря на всю серьезность этих затруднений технического порядка, работникам науки, техники и изобретательства всего мира ведется самая интенсивная разработка различных приспособлений для устранения этих препятствий. Имеющиеся на этом фронте достижения показывают, что эта работа не остается бесплодной, наоборот, с каждым годом увеличивается не только зрелость и скорость полетов, но и безопасность их для человека.

Первым проникнул в стратосферу баллон-зонтик, малые сферические аэростаты. Объем 5—7 куб. м, которые были снабжены саморегулирующимися приборами, позволяющими давлению (барограф), температуру (термометр) и влажность (гигрометр). Разумеется, люди такие миниатюрные аэростаты не могли поднять. Поднявшись до максимальных пределов, 30 и более километров, такой аэростат, будучи сделан из чистой и чрезвычайно эластичной резины, непрерывно увеличивался в объеме, так как газ в нем с уменьшением наружного давления расширялся, в конце концов оболочка лопалась, и тогда кор-

рективным двигателем 13.000 м. Воздушный шар тоже далеко опередил своего младшего брата (первый самолет поднялся в воздух всего 30 лет назад). Но зато — именно временного порядка, и с дальнейшим усовершенствованием аэростатов — баллонов — самолет только догонит, но и значительно перегонит своего собрата — аэростат. Однако имеются еще аэстетические аппараты еще одного вида. Они остаются далеко за собой и аэростат и самолет и будут в состоянии проинжену и на пределах земной атмосферы, в безвоздушное межпланетное пространство. Это так называемые реактивные аэстетические аппараты. Двигатель построены по принципу действия ракеты, получающей импульс для своего движения в реакции (отдачи) выходящих из нее с огромнейшей скоростью масс газов, образующихся при быстром сгорании специальных составов горючего.

Ракетный аэстетический аппарат английского ученого Лайона уже достиг высоты полета 9.500 м. Из самых главных его достоинств — способность исследовать верхние слои атмосферы. Занес эти приборы далеко выше атмосферновероятных результатов. Таким образом появилось новое мощное оружие для исследования стратосферы. По высоте полетов оно далеко оставит за собой и воздушный шар и самолет и даст нам впоследствии полный разрез всех тончайших воздушных океанов и поверхности земной до крайних верхних пределов воздушного океана (Гавити). Исследованиями его достигло уже в настоящее время такого уровня, когда в Мадриде (Германия) подготовлены к полету эти летим большой ракеты. На ней в порядке дальнейшего разрешения поднимается сам аэстетический аппарат, германский инженер И. Цибель.

Первенство в теоретической разработке реактивных двигателей, выходящих за пределы стратосферы, но и для полета за ее пределы, принадлежит нашему Советскому союзу в лице ученых выдающихся ученых, как К. Э. Циолковский, Ф. А. Цандер и другие. Работа Циолковского в этой области приучила мировую известность и является основой. Грудь его положены в основу работы молодой организации советских инженеров и ученых — НИИ «Проблемы реактивного движения при ЦС Осоавиахим», объединившей основной актив практических и теоретических работников этого дела, а также изобретателей. Помимо широкой развернувшейся технической и организационной работы под эгидой «На штурм стратосферы» ведется и практическая работа, являющая уже осязаемые результаты. В Ленинградскую группу научных работников организации огромного воздушного шара для полетов в стратосфере; построены уже завершенные. В ближайшие месяцы этот величайший в мире воздушный шар облетит 20.000 куб. м полнимоется сначала в пробной полет, а затем начнется чистая работа. Полетов на нем с научно-исследовательской целью. Намечены по расходу высота полета — 20.000 м. В конструкции самого аэростата и его тонкой советская научная мысль пошла своим путем и помимо сиринчатого типа материалы для его оболочки применяла также и из голландского его зной материал, чем и проф. Пикара а именно — нержавеющей стали, из которой с таким успехом изготавливаются наши стальные самолеты. Великим образом и форма тонкой применены только в ракетных двигателях, а также в аппаратуре, выбраны не шарообразная, а несколько удлиненная, приближающаяся к параллелепипеду с закругленными углами.

Ближайший период времени несомненно принесет новые успехи в полетах на стратосфере. Неумолимым проф. Пикар готовится к полету, на этот раз в районе Гуагуаюна залезла с целью как можно ближе подойти к зоне максимальных магнитных возмущений. Чрезвычайно интересные результаты можно ожидать от полетов огромного советского стратолана. Подъем истребителя на его ракете и полете немецкого и французских стратосферных самолетов также вызвят крайне интересные для науки и техники детали этого дела.

ПОПРАВКА

В № 7—8 в статье А. Громова «О боронах и о полетах (стр. 12—13) по недосмотру допущены опечатки.

в названии стр. 12 не «мехатико-Электромеханика», а «Электромеханика».

во второй колонке ошибочно написано «15» вместо «10».

в названии стр. 13 не «мехатико-Электромеханика», а «Электромеханика».

в названии стр. 13 не «мехатико-Электромеханика», а «Электромеханика».

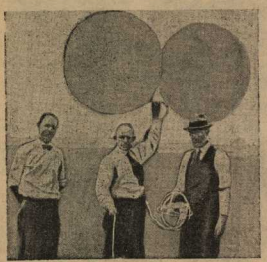
Высотный аэростат проф. Пикара перед подъемом (1931 г.)

пался жизнью. И только в 1931 г. бельгийскому проф. Пикару удалось на сферическом аэростате объемом 4.000 куб. м, спиральной конструкции не только проникнуть в пределы стратосферы до высоты 15.600 м, но продолжительное время оставаться на этой высоте со своим ассистентом Кийффером для научных наблюдений. Шарообразная алюминиевая, герметически закрытая оболочка, которая заменила на этот раз оболочку паутинную корину, прекрасно защитила их не только от холода, доходившего до —34° Цельсия, но и самое главное от губительного действия разреженной атмосферы на этой высоте, так как внутри оболочки с помощью специальных приборов поддерживалась почти нормальная атмосферное давление. При этом почти внутри ее все время непрерывно очищалась и количество кислорода в нем восстанавливалось, как это делается в подводных моделях. В 1932 г. проф. Пикар повторил свой полет, достигнув небывалой высоты — 16.770 м. Таким образом воздушный шар снова дал возможность проникнуть в пределы стратосферы с научно-исследовательскими целями и достигнуть высот, которые и дальнейшие полеты обещают достижения еще большей высоты.

Но для каждой воздушного сообщения нужна не сферическая аэростаты, а быстродвижущие самолеты, которые в разреженных слоях воздуха, встречая немалое сопротивление, достигают огромных неизданных еще у поверхности земли скоростей.

Мировой рекорд скорости самолета, как известно, равняется в настоящее время 682 км, в час. Эта скорость была достигнута на самолете Монка (итальянский) с мотором «Фиат» в 3.200 л. С мотором этой же мощности самолет того же веса должен достигнуть на высоте 20—25 км, скорости 1.500—1.800 км, в час. Таким образом реис например Москва—Владивосток занял бы всего лишь 4½—5 часов. Такого рода самолеты по Франции и в Германии в опломбированном виде построены, и на них совершаются опытные полеты — сигнала, разумеется, «на дне» воздушного океана в пределах тропосферы для проверки сложного оборудования.

В этих самолетах летчики, как и в аэростате проф. Пикара, заключены в герметическую металлическую кабину для защиты их от губительного действия разреженной атмосферы и холода больших высот. Самолеты эти — все монопланы — построены проф. Юнкерсом в Германии (Дессау) по Фрэнкину — Фрэнкину и Герне. Главная трудность заключалась в построении для моторов этих самолетов мощных турбокомпрессоров, которые бы в крайнем разреженном воздухе стратосферы смогли засосать и подать в карбюратор мотора достаточное количество воздуха для работы мотора. Достигнута на таком самолете стратосферы и полет и ней осуществляется лишь при безаварийной работе этих турбокомпрессоров. Ввиду больших технических трудностей и из построения высотные полеты самолетов не

Подъем спранных баллонов-зонтов в стратосферу в Америке

а как с приборами на парашюте, который автоматически раскрывался, опускался на землю. Такие баллон-зонты в стальных случаях приходило до высоты 38 км. Таким образом разрез атмосферы этого слоя был исследован в разных пунктах земного шара главным образом с помощью этих приборов. Однако, улетая далеко, иногда за сотни километров от наблюдателя, эти аэростаты с тросом образуются, а иногда и совсем пропадают. Полученные записи лишь после долгого перерыва доставлялись в обсерваторию. Этот крупный недостаток был устранен советским профессором П. А. Мачиловым, который присоединил к приборам, находившимся в корзине баллон-зонты малых размеров. Последний немедленно же после начала полета начинал автоматически сообщать по радио показания всех приборов, и эти показания становились немедленно известными обсерватории.

Попытки людей проникнуть для непосредственных наблюдений в высокие слои атмосферы начались тотчас же, как были изобретены воздушные шары (первый полет аэростата братьев Монгольфье по Франции состоялся 150 лет назад — 5 июня 1783 г.). Но губительное действие разреженной атмосферы и техническое несовершенство оборудования аэростатов долгое время не позволяло проникнуть выше 10.000 м, до которых поднялись в 1901 г. термические воздухоплаватели Берсон и Эриг. Американический пилот Грей в 1927 г. на воздушном шаре поднялся уже в пределы стратосферы — именно до высоты почти 13.000 м, но при попытке вытравить свой отживший шлюк, он про-

Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Фото Евг. Ломберг

ДРУЖБА С МАШИНОЙ

Овладесть культурой труда не легко. Тяжело молоток окружает станок. Они цепляются за рукоятки, ныряют под режущий диск. Они обвиваются в опилки. Они растут под силой человека.

Олег Н. Добровольский рассказывает о комсомольцах «Станколиты», овладевающих культурой труда. Им еще много надо работать, чтобы победить, но крепкое начало сделано...

По закону первой пятницы рабочий приступает к работе. Металлической роши был выравнен, измерен, его территория в сотни квадратных метров оседала корпус «Станколиты». Стены поднимались, как крепости. Стекло потолка не заменило света белым. Сильнейшая осязающая в тактильной осязаемости работоспособности, почти вымышленной присматриваться к творчеству рук и машин.

В бунерном пролете зарождалась вселенная. Потом оно наполнило пролет за пролетом. Оно наполняет формочные, литейные, обрубные простыни. В живом сердце оно откладывает горючие. Бунеры висят на железных стропилах, как туловища. Фигура человека под ними кажется беспомощной. Володает транспортеры кружат голову. Тонны высококачественной земли дойдут по транспортеру к формочным машинам в нескольких секундах.

Но освоение этого величия поддается не так скоро. Не так скоро становится обыденной привычкой культура труда.

Комсомолец Волков может быть делателем и расказом о человеке. Он — один из двухсот комсомольцев «Станколиты», комсомольцев, которые учились в ФЭУ, пошли в кружки техпропаганды, на курсы повышения квалификации, в кабинеты технического учебного комбината. Работа простая: подучиться, комсомолец Волков учился в кружке техпропаганды. Он стал работать в качестве литейной земли. Работа на установке бункеров, он успешно копил зреть повышения квалификации. Он стал работать в качестве мастера и работе бункеров. Потом он ушел учиться в комбинат. Он получил среднее образование, и ему доверили слабую транспортную ленту.

Дружба с машиной у него началась, когда было вынесено постановление бюро комсомольского комитета об освоении культуры труда. Цену образования он определил, когда пришел в бункерный пролет на ночное дежурство с винтовкой наперевес. Через три месяца он стал групповым и лучшим бригадиром бригады монтажников бункерного пролета.

Всякой культуре комсомольцы были бунерами на монтаж. Они пришли собрать бунеры и вернуться к прежней квалификации. Они немного робели перед величием импортных бунерных деталей.

На каждого третьего комсомольца приходился один опытный рабочий.

Акса росла вверх по крутящим гулякам боксам бункеров. С равной стремительностью молодежь осваивала монтаж бункеров. Комсомольцы спускались с лесов в новые знаниями. Знания рождались вместе с лесом. Комсомольцы Волков шел по верхним лесам. Он шел по верхним лесам новой квалификации. Монтаж бункеров заканчивался. Комсомольцы стали обладателями квалификации, высшая, как влет бункеров. Им не хватало знаний.

Администрация завода постановила закрыть на бункерах всю бригаду.

Группы и бригады комсомолец Волков поставил свою четкую роспись под постановлением.

Главный мастер, немецкий специалист, тяжело говорит, тяжело говорит, тяжело говорит, тяжело говорит. Он не знает русского языка, потому что он его не хочет знать. Молодые браковеды не знают немецкого языка, потому что они только начали его изучать.

Они рассказали о своем гадальном на веки и невыезные знания. Первое слово непонятно, второе устанавливается переводчиком.

Горячий чай поддерживает товарищеские отношения. Консультация производственного специалиста с молодыми советскими браковедками по вопросам качества изделия идет за чайной чашкой.

Он экономит свои знания. Он их расходует бережливо и осторожно. Он хочет получать советские

детали за каждое слово. Он ограничивает тему своей беседы. Он говорит только о причинах появления брака в той или иной детали. Он подводит только теоретический базис.

Как практически предотвратить вылазную причину образования в детали малой износостойкости, вышней хрупкости, внутренних трещин... — об этом он не говорит. За эти знания в следующий раз он потребует с автодоукомплекта в три раза дороже. Главным мастер поднимает в руках браковывающую деталь. Молодые браковеды поднимают в руках карандаши. Карандаши ловят на бумагу слова предложения.

Голубевич, комсомолец в бригады монтажных бригады восьмого пролета, восторженно сосредоточен. Солнце, упавшее на него через потолок, делает всяким и позитивным каждое движение его рук и лица. За каждым движением рук и лица Голубевич следят Зоякина, Бондарев и Игнатенко — его бригады. Они выдают сотую часть процента.

Качество склейки определяется строгостью излома ремня на повороте... Высчитаем угол поворота.

Голубевич — пятнадцатиминут свободного времени. Совет класенный ремня. Можно эти пятнадцатиминуты проинвестировать в кружки, обсуждая качество работы будущей пятницы. Но Голубевич не раз сидел за чайной чашкой напротив немецкого мастера. Его рука привывалась в терпеливом напряжении сжимать потный карандаш. Он знает цену советского рубля и нашего напряженного времени. Голубевич обучает монтажную бригаду тому, что делал назад хранилось у немецкого мастера в голове в виде теоретических расчетов.

Иностраный специалист, монтажник по склейке замедленных лент, за восемь часов работы выигривала две партии паллосов «Дельта», расквашивая посылку анекдоты, провозвора пять сапожек и тигропаула на кассе 500 руб. в месяц. Бригадирский его заработывали по 800 руб. То, что он знал, он знал для себя. Монтаж оборудования часто становится дорное своего оборудования. Квалификация на монтаж читалась, как протокол преступления.

Бригадир монтажников по склейке замедленных ремней, комсомолец Голубевич, распространял свои знания на всю бригаду. Каждый ударник научился криком делать десять склеек в рабочий день и зарабатывать по 200 руб. в месяц.

Старый рабочий Бухалев — человек широкого практического опыта в литейной. Он лучше знает видеть вещи, чем говорить о них. Если он говорит, то объясняет, а не рассуждает.

Упорней, чем со всеми остальными, он дружит с Алексеевым, Бакинским и Савельюковыми. Они — антидети.

Брак повисал в тот момент, когда по подсчетам тебери он должен был появиться. На цифру тебери была стыдно выходить. Первая формочная машина отлажена дельта Шенлига, от-

Бригадир научился у Бухалева обращаться с импортной машиной, как с босой винтовкой. Ручки формочной машины протираются теперь досуха и досыта наливается маслом. После работы формочка закручивается в брезент. Пыль от переробки земли не липнет на замасленные детали, — улетает в вентилятор.

Нужна правильная расстановка контрола, — сказал Бухалев.

Тогда бригада перестроилась. Один литейщик из комсомольской группы бригады Бухалева был направлен в отряд техконтрола при заводском складе готовых изделий.

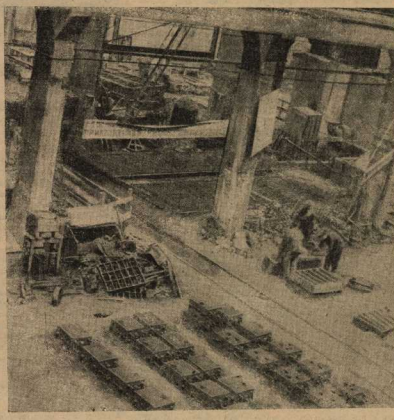
Внутренние трещины в отлитой детали заметен. Брак обнаруживается только в момент второй операции — обрубки. Исследовать причину брака позволил Деталь обрубается через несколько суток после отливки. Модели, земля в опилки рассортированы.

Выделенный бригадой и обученный Бухалевым комсомолец-литейщик ловит брак на месте преступления. Деталь обрубается сейчас же, как только она останется, сейчас же следует контрола. Разоблачение причин брака происходит у всех на глазах дивизиона бригады.

Руководитель комсомольской группы отмечает в дневнике бригады:

«Предлагаю к колесу ботокорки сделать ручки. Будет легче подавать болт в полость папке».

Павлов А. П., таб. № 2778.

Литейщик ловит брак на месте преступления

«Предлагаю при отливке коробки Нортон изменить строгость в ней. Стрельня будет состоять не из трех отдельных частей, а из одной обшивки».

Модельщики Титов и Васинин. Это зависело от записки класенки и не положено в карман. Это зависало в особые сигнальные листики, выданные сектором заводского техпрола. Листики имеют на одной стороне подробную инструкцию, как выполнять их, что писать и через сколько времени будет ответ от бюро брака на рационализаторское или изобретательское предложение.

Среди станков токарного отделения стоит небольшой деревянный сооружение. Оно тщательно изготовлено и выкрашено. Оно состоит из большой доски, тумбочки, выдвинутого ящика в тумбочке и поточного ящика вышней доски.

Все вместе называется «сигнальная доска». Она-городность члится техпрола.

Бригадир предлагает от начала до конца быть тщательно записана в дневнике техпрола.

Листок Титова и Васинина поборола переписки в стрелке коробки Нортон. Их сигнал сбора 4 тыс. руб. государственных денег.

Завла Павлова на ручке для колес в ботокорке слая в производство. Скоро прекратится бесцельная трата мускулов. Забытавшая мысль ударников даст «Станколиты» новые тысячи исправных болтов.

Сорняки среди сорняков

На призыв „Комсомольской правды“ о походе против сорняков Эвандное обладо создало штаб похода. Штаб издал несколько постановлений, для исполнения — и устроился.

Настройка на сорняковой базе

ЗАМЕТКИ О СКУКЕ

Тоска, кручина издается словами своим смертубойством. В вековой российской глухомани в далекое время кружились по хате перекорженая колдунья и тихо рычала: «Взд-воиди, рева-ридри, воз-зориди! Сойнте тоску-кручину и усните тоску-кручину за сине море в морску пучину, где люди не ходят и на конях не ездят. Как в морской пучине сер камени не встает, так бы и раба бойца тося-аручина и ретопуу серуцу не принудила и не привалялась, отшлаась бы и отвалаась!»

По сведениям, полученным из достоверных источников, многие из молодых людей, равнейших высокоинтеллектуальной гражданкой, уходило от скуки в соседние деревни, и к вечеру их волочили назад с проломанными черепами.

В то же время ласцы, валеомы скукой на пыльные посылки, кидались в омут, спасая от павших этой самой скукой любознательных последстий.

● Не будем называть городов и фамилий. Десятки имен и фактов расположились на реклационном столе. Многие из них похожи друг на дружку, как шестерки одной серии. Чуть-чуть только изменить одно соотношение, склеим из Борбачев, завод, «Красная Пресня» и Москва обидится, решив, что речь идет именно о нем.

● Не будем называть городов и фамилий. Пусть знает каждый читатель, что эти строки могут опостысть к его предприятию.

● Не обращайте внимания на стиль инженирско-военного постановления. Если смысла его приблизительно совпадает со смыслом революции или речи, оглашенной из одного из недавних ваших собраний, предположите, что мы даем адрес-вольную перекса.

«...В то же время организовано, учти постановление вышестоящих организаций, запланированную массовую работу комсомольского актива в местах скопления молодежи. Вместе с тем организовать коллективные просмотры пьес и картин с их обсуждением, а также игры, танцы, вечера, вечера, чтку тает, журиалы, нинг...»

В целях борьбы со скукой соврещам возмезие революции. Самое заветное в ней то, что она не таяно сохраняется в виде секретарского стола на правах бумаги, не подлежащей оглашению, а иной раз числится в неканцелярской стенограмме комсомольского квартала.

Через инное количество времени любознательные обследователи могут начертить в своей записной книжке ответы на один и те же вопросы, заданные в разных местах двум товарищам:

Обследователи.
Как проводит теперь свой досуг после работы и учебы беспартийный молодой рабочий?

Активист.
У нас работает клуб (или красный уголок). Организован при нем различные кружки. Книгобывает. Газеты и журналы для чтения выписываем. Книги.
Молодой рабочий.

В клубе у нас скучица. Помещение подлежащее делению отпущено, а такюм использовать их не могут. В кружках тоже заснуто можно. Нет того, чтобы спать, посылать, юмористический рассказ почитать, а все больше ласцино под-

вернуть пороват. Опять же киноартистам посылает к нам бы рабору, и деньги за просмотр одинаково берут что с нас, что с посторонней публики с улицы. За чтением не смеют идти, все газеты и журналы растаскивают, одно старье валяется.
Обследователи.

А сколько ребят довелись в кружки? Кто эти ребята? Завел ли комсомольский актив беспартийную молодежь? Кого ты лично знаешь?

Активист.
Скучно ребят — не скажу, но порядком. Ребята разнообразнее, да... (Активист краснеет). В отношении качества работы кружков... это у нас

Он ставил руки и неторопливо двигался по тротуару

в студии проверки. Беспартийную молодежь отчасти знаешь. Вот я например знаю следующие: Овечкина... нет, это комсомолец, еще... Знаешь, я тебе завячу название завода.

● В кружках у нас народ не только с завода: Издается много соседней и так, между прочим, попадают, Комсомольского секретаря андала мимоходом, а вот квартала что-то не припомню. В красном уголке барана, какися, не был он.

● Рмещение колдуньи отодлан в область неправдоподобных триданий. Ни неинтересно выгладет иной раз очень симпатичными людьми, говорят они внятно и отчетливо-мелодично звучности. Но если сосредоточить все свои стремления и пальцы только на составлении резолюции, колдуньи несомненно могут быть полезными.

Продлывание черепов как массовый вид раз-

влесений у нас не практикуется. Так же как и утопление в омуты. Эти две приятные разновидности старого мира мы категорически отказались оставить в своем быту, хотя бы они неменовались неизбежными в переходный период остатки капитализма.

● Посадистных скуки, о борьбе со скукой в наши дни «Смысл» недолго пришлось выдумать, пожалуй будет писать еще долго, до тех пор, пока слово «скука» не исчезнет из разговорной речи. По плану за скукой палтуса уныние, пышка, картонная игра, вальсы классовой враги, учурб для социалистического человека и для стрателюста.

● Поговорим немного о веселых вещах. По словам некоторых организаторов молодежного досуга старуются водвести серьезную теоретическую базу под прославление игры скугу.

Продлывают они это салдуцином образом. Игратьюсе делятся на две равных партии.

Одна половина — зозыистиченки. Другая — оппортунисты.

У хозыистиченков на спине написаны мелом цифром промфинналов их промышленности.

У оппортунистов в руках тяжелые, напоминающие колесную дубину, жуты.

Темны кричит ведущий:

Товар кабулутами и гича (подржаса машина), хозыистиченки устремляются в разные стороны (набирают темпа).

Вслед за ними бегут оппортунисты. Они ложипот хозыистиченков в дупит их игустами по своим, стараются стереть меломые цифры (срывают промфинналы). Изаиние продолжается десять минут, после чего ведущий осматривает пострадавших.

Если цифры не стерлись — значит оппортунисты побеждены. При хозшем качестве мела победа чад ними всегда обеспечена.

После этого все хором кричат лозунг:

«Помни графа Монте-Кристо, Но не забудь оппортуниста!»

Затем игратице меняются ролями. Борьба с оппортунистом продолжается.

Быть может, излагая эту игру, автор ставит задачу меломе неторопливости, но дело конечно не в них, и мы не откажемся напечатать авторские поправки изобретателей этой лове развлеченция.

● В беседах я люди вообще по-разному корреспондентны при описании таких например развлечений.

На расстоянии пометра друг от друга стоят два стула. На стульях лежит коврик. Он скрывает прощала между стульями.

На стульях сидят двое играющих. Вербочники приводят скачущего поличка, который тоже хочет играть. Ему предлагают сесть между играющими. Он садится, играющие встают, и поличок с грохотом падает на пол.

Обычно последняя игра бьет очень не очень тяжело. Надо только заранее приготовить свичево-помочит от ушибов.

Иной раз организаторы развлечений перестраховываются от происшествия, побоявшись вымокания. Мало ли что бывает. Вот взять к примеру танца. На первый взгляд как будто бы все в порядке. А если не догадаться четко, получается прокладывая похуизм скуга и сквичных примочек. Еще хорошо, если нарв проглядит так, чтобы па-

...Кружились по хате перекорженная колдунья и тихо рычала

рев тапчова на одном берегу реки, а девушка — на другом...

Говорят, что это-то предлежи, вставать между тапчовыми плавками с заостренными концами.

Иногда досуг молодежи организуется таким образом, что вызывает смех сквозь слезы.

Года полтора назад корреспондент «Комсомольской правды» едет с туристской экспедицией по Кабардино-Балкарской области, вверх по реке Чегем. Из-за сильного тумана вынуждено сделать обход, и от него на тропу услышана солнечная тро-

нулся и выронил их из рук. И исчезли брюки в мутном водовороте.

Перед одея футболку, ноги в рукава.

Развлекать и развлекаются можно по-разному. Веселить и веселиться — это не одно и то же. Частой бывает весело только устроило веселье. Он острый, а кругом почти-то плачут. Иногда развлекается становится человек, попавший в неприятное положение. Он плачет, а кругом смеются.

Однажды в вальсировать день он шел с компанией. Внезапно остановился и поглядел вокруг. Прохожих по близости не было.

— Как это,— сказала Вася,— говоришь. «Работать на ногах — отдалай на рукавах».

Он стал на тугой из непролазного джунглей по тропе. Так при общем одобрении он прошагал сотню метров.

Сергея Дмитрова вытаскивал из законченного шеф-рабочего предельно длинных пиленных досок. Он нарезал из картона 240 штук досок. Разложил все доски на столе, а одну забрал с собой в другую комнату. Потрескивая комсомольцы переждали вышка на досках досок. Сергею из другой комнаты выкрикивала, куда идушку за него переждать. Он вышел партию в шахматы и асей девятики.

...Утром полнотрамоты перед прощания выходящим дни слышно затнускал. Решив устроить перемену. Виктор Бурденко вышел на сорельную комнату и начал оттапывать ногами такие крошечка, что кругом только дну дамся.

Может быть и правде можно было обнаружить эти таланты, да заинтересовался ими комсомольский ячейка только в последнее время. И так случилось, что Вася, Сергей, Виктор стали первыми затейниками среди молодежи.

К этим трем не очень заметным простоящим ведут истин три наиболее активных кружка Щеголовского клуба: шахматно-шахматное, физкультурного, затейного.

Вскоре к трем прибавился четвертый.

Перед антигосударственным дивном раздобытом глестоплатного организатора хора. По словам их был отменным организатором массового действия, но слава оказалась преувеличенной.

Он выстроил желающих пять в две шеренги, раздал всем копейки из газетной бумаги и занял пачку, а также проповедником.

— Явля бы архангел Иероним... И крика с ними!

Вымахнув палочкой, дирижер дал сигнал, и пошла по клубу антрацитовый привив:

И крика с ними, И крика с ними, И крика с ними — а ни-и-и-а!

Культурно-комсомольской ячейки тогда расширился и превратился в яростного затейника хорошего пения. А приглашенному организатору хора предоставили бесспорный отсуток.

...Вслед за ними бегут оплртунты

пинка. Из-за поворота доносился обрывки ушлого гоя. Их заглушало хлопотание реки.

Промокшие туристы сидели на лужайке вокруг дымного костра. Трое пытались поджечь валяющую бумагу на сыром валежнике. Девушка, завесившись в промоченные палатки плащом, ела сухую компот.

Энтузиасты туризма пошли в поход неподготовленными. Они не умели ставить палаток, разжигать костров. Прогулка превратилась в пытку.

Нельзя не вспомнить фигуры одного парня. Вместо брек на нем было пластво нечто среднее между юбкой и рютиками. Брюки погибли во время переправы через бурную канаву. Он вошел в воду в трусках, держа брюки над головой, но поскольку

Ф. ДЛОМИН

ВАНЯ СКАЛДЫН И ЕГО СЫН

Колька родился на Арбате.

В юности служил его страшний биты.

Носил двавети на скорый манер

Иван Семенов — талантливый актер.

Темы месяские мостовые,

Светам господские чаеи;

Синьеш кургузы, синьую согниш,

Бария похвалят — Ваня хорш!

Горюет служавый: рд старьш!

Такого господя пригнет, братцы!

Сумей выколочиться, пидать поймайт,

Степличная жизнь — родная ветвь.

Блестит на уривает орех червопый,

Идет по бульварам Иван Семенов,

Калашники сагаиом стучит,

Берет в тракторе калыч.

А дню сумки сын Николая

Гадает на кошмарца прицалым бокаим:

Народ на рубяку, отдука барака... —

А ну, погоди, арестант, пока!

И тебя чисто едвою,

Сам не доску на травле,

Сам не доск из-за пшаны!

Орлову, приятель, синиш штаны!

...До врани бит, до рубцов vaporот,

Колька забыла богатый горол.

Защрапа имирно варту вайр!

Валесе контору, вейрбула гоемш!

Ах, после жанки такой прохладной

Иван Семенов стал Ваней Скалдын.

Корнясок от черной земли отник —

На черной земле прораба болванш!

Дворня в деревне пидает на бок.

Спит до обеда нежная баба,

Пускый ховиство летит в колак,

Смилок не заманиши его в колак!

Салужавый оченя по дому ривит,

Весь день строгаит топорище,

Вечером илет по дрова,

Лесок светский воряват.

Варен, который варит в паровар,

С труной заметкой ста сельмаром.

«Продтеал леса» (подпись «Сверчок»)

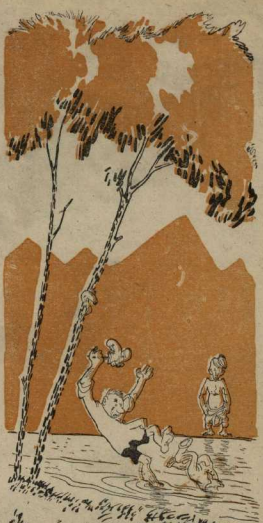
Пропробуй, батя, хочешь еше!

За притнутый барбиса иоронский,

За тенету гадает, на синие сердце,

За жанку, что рубяк, как самьян, салча,

За все, Иван Семенов, получаи!

...и исчезли брюки в мутном водовороте

Закончил эти заметки деловым сообщением. Два дня в состоянии в Щеголовском клубе — убога. Четверо дня распродали лопы между кружками. За казныш из дней отвечает один кружок. Он отвечает за изгнание слухи из клуба.

Грань между веселостями и веселостями несчетна. Работа строит собою легкие страдания. По выходящим дням мерзуют у природной реки туристские костры. Тяжелый рогос сини вальдытас в полутьме. Дружный смех пролетает над асфальтом и над травой.

Синичиные примочки исчезли из клубной практици вместе с заглядываниями.

Комсомольские активисты пришли в клуб работать.

И Ваня хватается за темы

Синяе орет: «Ступай за теми!

Тебя разденут и обертут.

Печать на бумаге приносят за тру!

Уйди, бродяга! Какой ты сын сини!

Подходит с голода явша вальдыш... —

Подходит правдивик Николая Зиминш,

Цвет подкулачшиш, трулит вальдыш.

Так вот они, колемным ивненим:

Гадает мохлатые старина,

Лешают парю по своим же синишам,

Подносит калыч аина с руп.

А тот вальдыш в стубой отрану,

Застегивает индикан дюралес.

Крепчает морю, а в морюзе том

Зажет оченя Народиш даят.

Тем Кольку истерочиват алолалек,

Они говорят об его заметке,

В бригаде ребят ни один не вниш —

Завтра кончатся зашнуш синиш.

Теперь гадайте, парю, с швты,

Какие синиш у нас ривит.

За что это, вареному солдату

Прислал отню повестку на суа?

Оте. переводчик В. ВЪЛЫНИН. Оте. сек. редактор Я. Черныш.

Служ. и н.б. 17/У, подпавши к печати 4/VI—33 г., 14. бум. листа.

Учредительный Галлякта № В—56172.

Изд. № 364.

Типография газет «Правда», Москва улица им Горького, 48.

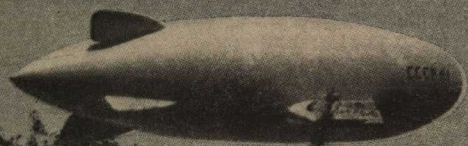
Издатель: Издательство ЦК ВЛКСМ «Правда»

100.948 г. и з. бум. 2.

Зак. 1304

Тираж 30.000.

цена 50 коп.

Дирижабль „В-1“
над Москвой